

Ассасин

Вероника Мелан

Город

Вероника Мелан

Ассасин

«Вероника Мелан»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мелан В.

Ассасин / В. Мелан — «Вероника Мелан», 2015 — (Город)

ISBN 978-5-17-091736-5

Эта история началась поздним вечером, когда Эллион Бланкет села в машину к мужчине, которого видела впервые в жизни. Красивый, но смертельно опасный незнакомец, чьего имени девушка даже не знала, подарил ей самую удивительную и страстную ночь, а наутро просто отвез обратно в город. Наверное, на этом бы все и закончилось, но судьба распорядилась иначе. Эллион и Рен Декстер встретились вновь. Для чего? Был ли это второй шанс? Эллион думала так, но... Что делать, если человек, которого ты любишь, считает тебя предательницей? Как выбраться из места, откуда нет выхода? Как жить, если до смерти, до твоего самого последнего вздоха, осталось... всего лишь пятнадцать дней?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-091736-5

© Мелан В., 2015
© Вероника Мелан, 2015

Содержание

Часть первая. Встреча	6
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Вероника Мелан Ассасин

© В. Мелан, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Часть первая. Встреча

Глава 1

Он был невероятно красив.

Красив в этой смертельной схватке, где любой другой уже лежал бы недвижим, истекая быстро холодеющей кровью. Но не он. Человек, на которого я смотрела, притаившись в тени бетонного угла многоэтажного дома, двигался слишком стремительно, чтобы его противники могли причинить ему хоть малейший вред.

Хотя их было семеро против одного, это, казалось, нисколько не смущало высокого мужчину в центре. На его кожаной куртке имелся лишь один тонкий порез от ножа, и на этом видимые повреждения заканчивались. Четверо противников лежали на асфальте неподалеку, трое еще дрались.

Один, неудачно замахнувшись, метил в челюсть, но слишком сильно отвел руку назад и даже не успел вернуть ее в исходное положение, когда мощный удар кулаком в лицо свалил его на землю. Раздавшийся при этом хруст ломающегося носа неприятно дополнил и без того мрачную картину. Лицо человека, который теперь лежал на асфальте, напоминало кровавую маску, разрисованную художником-абстракционистом ярко-красными разводами.

Я понимала, что нужно уходить. Не просто уходить – бежать, пока меня не заметили, – но, несмотря на страх, почему-то продолжала наблюдать за смертельным танцем маленьких человечков вокруг грозного божества. Слишком захватывающая разворачивалась картина.

Второй из оставшихся на ногах пробовал незаметно подойти к незнакомцу из-за спины в наде-

жде, что товарищ отвлечет на себя его внимание, и тогда он сможет завершить схватку при помощи зажатого в руке ножа. Но его намерениям не суждено было сбыться: внимательный ко всему человек в кожаной куртке, резко крутанувшись вокруг себя, выбил нож, и тот с громким звяканьем откатился в сторону. Притянув нападающего за волосы, мужчина ударил противника затылком об асфальт.

В этот момент меня пробил озноб. Нужно бежать. Бежать, скрываться, делать вид, что меня – случайного свидетеля – никогда не существовало. Однако что-то в разворачивающейся перед глазами картине продолжало завораживать – так, вероятно, завораживает женщину осознание того, что перед ней настоящий альфа, способный постоять за себя самец, умелый воин, доминант. И я, подобно наблюдающей за схваткой волков овечке, продолжала находиться без движения.

«Зачем такому количеству людей нападать на одного? Ведь это нечестно, неправильно...»

Однако мое «неправильно» ничуть не смущало мужчину в кожаной куртке.

Когда последний из оставшихся в живых с резким криком бросился на хищного незнакомца, злобно и жадно мечтая о мести за убитых товарищей, он был сбит точной подсечкой снизу. Мощная нога мгновенно присевшего на корточки человека просвистела по полукругу и заставила бегущего рухнуть на спину. Раздался жалобный вскрик. Лежа на земле, тот выгибался дугой, но навредить уже ничем не мог. Несмотря на это, противник неторопливо ступил ближе и завис над корчащейся жертвой. В этот момент я хорошо разглядела выражение его лица – спокойное, ничего не выражающее, без тени раздражения, – казалось, он почти наслаждался происходящим. Лишь несколько прядей темных волос выбились из прически и упали

на лоб. Если бы не это и не тонкий порез на куртке рядом с рукавом, трудно было предположить, что он вообще совершал

какие-либо быстрые движения, не говоря уже о драке.

Человек на земле все стонал. В какой-то момент мне показалось, что его позвоночник может быть сломан, и я содрогнулась от этой мысли. Представлять, какую боль он при этом должен испытывать, было выше моих сил, но это совершенно не волновало мужчину, стоявшего рядом. Одним быстрым движением тот выхватил из-за голенища узкий длинный нож и резко всадил его в шею стонавшему человеку. Он мгновенно обмяк. В наступившей тишине пару раз булькнуло, кровь толчками выливалась из глубокого пореза, откуда убийца только что вытащил лезвие.

Вот и все.

Я слышала, как мое сердце медленно и тяжело отстукивает удар за ударом.

Тишина зажатого с двух сторон офисными высотками проспекта, три машины на дороге, множество лежащих на земле тел и стоящий посреди поверженных высокий спокойный темноволосяй человек. Просто бандитская разборка какая-то, кто-то с кем-то что-то не поделил. Вот только что в непосредственной близости от всего этого делаю я – замороженная чужой битвой дурочка?

В это время, широко расставив ноги, победитель спокойно обводил взглядом поверженных: его руки застыли по бокам, могучие плечи расправлены, голова опущена вниз. Воин-победитель, ни дать ни взять сошедший со страниц книг завоеватель. В неярком свете уличных фонарей его фигура зловеще вырисовывалась на фоне серых зданий; ночь уже два часа как вступила в свои права.

И именно в этот момент я четко осознала, насколько глупо поступила, не убравшись подальше. И пораньше.

Почему не две минуты назад? Почему не тридцать секунд назад, ведь тогда еще был шанс?

«Элли, уходи отсюда... только уходи тихо».

Мне ведь ни к чему проблемы? Совсем ни к чему.

«Ты всегда была тормозом, дурочкой и к тому же любила сильных мужчин».

Ага, любила. И одного только что увидела во всей красе, только совсем не вовремя. Вот если бы в кафе, в баре, да просто шагающего при дневном свете по проспекту...

«Но тогда бы ты не увидела его “в действии”» – раздался в голове укоризненный и, кажется, довольный поворотом событий голос.

Да, не увидела бы. И целее осталась. Зря этой ночью, возвращаясь с вечеринки, я отказалась от такси и решила срезать путь через офисный район, ой как зря. Моя логика после трех бокалов вина – непривычно большого для меня количества спиртного – однозначно хромала. Хотя хромала она не настолько, чтобы продолжать стоять без движения и ждать, пока незнакомец, разобравшись с зачисткой трупов, уедет.

«Зря ты боялась, что тебя начнет мутить в машине. Уж лучше бы замутило – кого волнует запачканная обшивка?»

Если кого-то и волновало, то точно не меня и точно не теперь. Меня волновало другое – мысль о том, что я до сих пор отсюда не убралась. С бешено колотящимся сердцем, которое, казалось, грохотало на целый квартал, я начала медленно отступать глубже за угол, в тень.

«Потихоньку, потихоньку, медленно и тихо».

Не успела. Не успела!

Стоило мне совершить единственное движение, а моей сумочке тихо звякнуть кольцами наплечного ремня, как незнакомец тут же уставился на меня, и взгляд его доброжелательным не был.

«Черт. Черт-черт-черт!»

Все, не успела. Медлительная дурочка, нерасторопная корова...

Мы смотрели друг на друга в течение нескольких секунд. Он – напряженно и задумчиво (убить меня теперь или нет?), я – широко распахнув глаза и не моргая.

Секунда, две, три. Отсутствие движения, сковывающий страх и непонятно отчего при- мешивающаяся ко всему доля любопытства.

«Какое любопытство, Элли?! Очнись!»

А ведь он знал. Он все это время знал, что за ним наблюдали. Откуда пришло это четкое понимание, я не догадывалась, но сей факт почувствовала со всей очевидностью – «убийца» совершенно точно осознавал, что из-за угла за ним наблюдают, но предпочел временно оставить этот мелкий момент без внимания. И теперь просто наблюдал за моей реакцией.

Моей реакцией? И она – чуть хмельная, бурлящая адреналином после увиденного – не замедлила проявиться. Вместо того чтобы, поджав хвост, улепетывать, я медленно вытянула вперед трясущуюся от волнения руку и оттопырила вверх от кулака большой палец.

«Твоя победа, – говорил этот жест, – это твоя победа. Чистая и достойная».

Пытаясь понять, не сбрендил ли я, выражая одобрение человеку, который только что дрался насколько красиво, настолько же и жестоко, я начала медленно отступать назад.

«Я просто посмотрела, – говорили мои глаза, – битва была завораживающей. Теперь я ухожу. Отпусти... Отпусти».

Шаг назад. Еще один. Руку вниз, ремень перехватить, медленно развернуться.

Если незнакомец решит убрать меня как свидетеля, то, наверное, сделает это быстро – например, выстрелит в спину.

«Или метнет нож».

От напряжения мои лопатки жалобно заныли; под тонкой блузкой по спине потек пот.

«Отпусти, отпусти... Я ничего не видела и не помню, я уже все забыла. Отпусти».

Десять метров. Двадцать. Полдома пройдено.

Если не догнал сейчас, то, возможно, не догонит никогда.

«Не пей больше, Элли, ты не умеешь. И не ходи домой по пустынным улицам».

Не буду, не буду, не буду.

Впереди еще два здания, за ними аллея и парк. Через парк не пойду, пойду в тени тополей вдоль дороги: главное – быстрее, главное – уйти. Главное – пройти еще триста метров, а там рукой подать до светлого проспекта, там поворот на знакомую улицу...

Пятьдесят метров. Сто. Сзади тишина – ни шорохов, ни тихих шагов, ни топота бегущих ног.

Лишь обогнув по периметру последнюю высотку, я сумела выдохнуть с облегчением и только теперь осознала со всей четкостью, как близко стояла к пропасти.

«Мог бы убить. Запихнуть в машину, увезти куда угодно или же просто пристрелить. И лежала бы я там вместе с этими бедолагами, разбавив мужскую компанию трупов одним женским...»

Паника заставляла сердце колотиться молотом, виски пульсировать, а ладони и колени дрожать.

Отпустил.

И хорошо.

Красивый или нет, не стоило так рисковать.

«Не рискуй больше, Элли, не рискуй...»

Не буду, не буду, не буду.

Сказал бы мне кто-то, что гораздо сильнее, чем только что, я рискну уже через пять минут, я бы никогда и ни за что в это не поверила.

То, что произошло дальше, явилось не столько странной случайностью, сколько рядом, состоящим из тончайших совпадений, в котором немаловажную роль сыграли выпитое за час до этого спиртное, яркое впечатление от недавней драки и бурлящий в крови адреналин. Вдоль парка я почти бежала: торопилась, радовалась тому, что ушла «без потерь», прокручивала в голове моменты битвы и с удивлением ловила себя на том, что продолжаю ею восхищаться.

«Тебе точно не хватает приключений, да?»

Возможно. Наверное. Не знаю. Мне всего хватает... Нет, наверное, чего-то не хватает.

«Не знаю, уймись».

Да, я восхищалась этим незнакомцем – трудно не признать.

Почему? Потому что далеко не каждый мужчина способен постоять за себя. А не каждый из тех, кто способен, может отбиться, когда нападает сразу несколько человек. И почти никто не может справиться с семью противниками. А если к героическому облику, умению двигаться стремительно и плавно прибавить исключительное брутально-красивое мужское лицо, можно вообще остаток жизни провздыхать в мечтах.

Я шла, радовалась собственной удачливости, «свободе» и странным образом одновременно испытывала разочарование.

«Это все алкоголь и его легкомысленные последствия».

Все-таки жаль, что все кончилось. Что теперь я знаю, что такие мужчины существуют – они есть в реальной жизни, действуют по ночам, уезжают в неизвестном направлении и растворяются в ночи еще до восхода солнца. Но они есть, есть на самом деле, вот что главное.

Внутри восторженно, страшно и грустно одновременно.

И может, однажды я встречу такого для себя. Для отношений, для встреч, для... хотя бы для одной встречи, чтобы узнать, каково это – быть с таким человеком? Провести с ним час или ночь? Поговорить с ним?

«Бред. Наверное, для общения даже общих тем не найдется: такие люди – бойцы-профессионалы, а ты дизайнер по витражам. О чем говорить?»

Да, не о чем.

А спустя пару минут выяснилось, что разговаривать требуется далеко не всегда.

Шум подъезжающего сзади автомобиля я услышала не сразу – его скрыло мое собственное хриплое дыхание, цокот длинных каблучков и все еще грохочущий в ушах пульс. Я занималась самобичеванием, я радовалась, я испытывала крайне смешанные чувства, как будто только что едва не соприкоснулась с чем-то запретным и прекрасным, но все-таки не соприкоснулась, я рвалась домой.

А когда за всем этим все-таки услышала автомобиль, бросаться прочь от обочины в тень древесных стволов стало поздно. Тихий гул мотора, плавно вползающий в поле зрения хромированный черный капот, крыло, водительская дверца. Стекло опущено. А из-за стекла...

А из-за стекла на меня смотрело уже знакомое лицо. Красивое и спокойное брутальное лицо: прямой нос, темные брови, широкие губы, квадратный подбородок, чуть прищуренные серо-голубые глаза.

Те самые глаза – глаза человека, который недавно дрался на улице.

«Убить? Он решил меня убить?»

То была первая и самая страшная мысль, которая скользнула в голову и моментально встрепенула начавший было улегаться страх.

Ведь он мог убить меня раньше... Зачем?

От нахлынувшей паники ноги сделались ватными, и я остановилась – мы вновь смотрели друг на друга в тишине. Я старалась не выказать того, насколько напугана, а он внимательно и довольно откровенно изучал меня с ног до головы: лицо, фигуру, одежду, ноги и даже обувь.

Осмотрел. Лицом не изменился. Не выказал ни довольства, ни недовольства, лишь отвернулся и обронил одну-единственную фразу:

– Я скучаю сегодня ночью.

Что? Что?.. Скучает? Что он имеет...

Конечно же, я знала, что он имеет в виду.

Он предлагает поехать с ним.

Куда? Лучше не спрашивать. Зачем? Расскажет сам, если захочет. А скорее всего, покажет.

Я согласна? Мне это надо? Конечно, нет – он опасен. Но убивать вроде бы не собирается, и на том спасибо. А приключения? Лучше оставить их на ближайшее или далекое будущее – неужели мне на сегодня не хватило?

«Не хватило».

«Элли!»

А он был красив. Красив не по-глянцевому, не для любящих сладких и эмоциональных юношей девушек, но красив лицом, телом, аурой, исходящим от него ощущением силы... даже в своей расслабленной молчаливой ленце он был прекрасен тоже.

«Но ведь он только что убил кого-то. Он может убить и тебя. Вдруг ловушка?»

Но ловушки не ощущалось. Ни нажима, ни напора, ни угрозы – просто предложение «если хочешь, можешь поехать со мной, если не хочешь, я поеду один». Все так просто.

Я продолжала рассматривать его молча.

Где он – правильный ответ? Какой он?

Не я ли только что расстраивалась из-за того, что знакомство не состоялось? Я. Разочаровывалась, обижалась на судьбу, вздыхала. И вот он – шанс. Принимать или нет? Быть умной, глупой, логичной, рассудительной? Быть правильной, испорченной, безмозглой? Какой надо быть? Какой? Ведь у меня всего лишь несколько секунд.

И неожиданно для себя я решила. Сделала то, о чем, как я полагала, могу пожалеть всю оставшуюся жизнь или же, наоборот, всю оставшуюся жизнь благодарить себя за правильное решение, – я обошла черный автомобиль, открыла дверцу и села внутрь.

Я сделала выбор.

На протяжении двадцати минут мы ехали по извилистой дороге, ведущей в сторону океана. Строений в той стороне практически не осталось – лишь близкий выезд на трассу, – и это навело меня на мысль спросить о конечной точке нашего путешествия, но каким-то странным образом я поняла, что мой таинственный незнакомец не желает ни лишних слов, ни вопросов. Оставив себе право узнать об этом в конце дороги, я принялась смотреть в окно.

«Ты дурочка, Элли. Просто дурочка. Куда он везет тебя? Почему так далеко?»

Примерно через полчаса сюрреалистической тишины и нервно кружащих в моей голове вопросов мы свернули в сторону, на узкую колею, выходящую прямоком на пляж. Темные волны с тихим плеском набегали на светлый песок и плавно откатывались обратно; воздух пах солью и прелыми водорослями. В тени пальм, растущих чуть в отдалении от берега, белело бамбуковыми стенами бунгало.

«А вот и конечная точка нашего путешествия».

Значит, он не стал везти меня к себе домой, а решил ограничиться единственной встречей в том месте, куда я вряд ли смогу найти дорогу самостоятельно. Мысль эта неприятно кольнула, но тут же исчезла – ведь я и сама понимала, что все происходящее не более чем короткая авантюра с сексуальным уклоном – не так ли?

Так. Ну и ладно.

Место мне нравилось.

Маленький, но аккуратный домик покрывали пальмовые ветви, периметр уютной веранды венчал плетеный забор. Несколько деревянных ступеней спускались с крыльца, утопая в белом песке. Свет внутри не горел.

За всю поездку мой сосед не сделался разговорчивее. Выехав на пляж, он остановил машину, вышел из нее, дождался, пока выйду я, и зашагал к домику. Я поначалу решила последовать за ним,

но как только моя нога ступила на песок, очарование этого места затопило с головой. Почему я никогда не знала, что на окраине Канна существует подобный райский уголок? Прямоугольник пляжа с двух сторон закрывали подступающие почти вплотную к воде деревья – они защищали белый песок от ветра и позволяли уютно нежиться в тишине и спокойствии, слушая неторопливый плеск волн.

Ноги сами понесли меня к тихо шуршащему прибою. Не скрывая восторга, я опустилась и зачерпнула горсть мокрого песка. Среди песчинок на моей ладони едва поблескивали мелкие камушки. Когда накатила волна, я опустила руку в воду – до чего теплая! Эта бухта просто создана для купания.

«А ведь я приехала сюда не одна, а с человеком, чьего имени не знаю».

Я обернулась и посмотрела на бунгало, из окон которого теперь лился теплый желтый свет. Внутри помещения двигался силуэт. Решив, что пора взглянуть на дом изнутри, я поднялась и зашагала обратно.

Дверь тихо скрипнула, пропуская в уютную комнату. Снаружи казалось, что внутреннее убранство будет более простым, возможно, примитивным, но я ошиблась. Здесь все было сделано со вкусом. Плетеные стулья располагались вокруг стола, кровать находилась слева – сверху мягкое стеганое покрывало. На столе, покрытом бежевой скатертью, стояла лампа на тонкой ножке; на стене несколько изящно переплетенных композиций из лозы и сушеных цветов. Несмотря на обильный и стильный декор, помещение было пропитано исключительно мужским присутствием.

Удивило и полное отсутствие пыли на предметах. Это говорило либо о том, что хозяин часто появляется здесь сам, либо о том, что он оставляет кого-то присматривать за домом.

Оторвавшись от созерцания обстановки, я посмотрела на человека, который привез меня сюда, – он

стоял ко мне спиной, расстегивая пуговицы рубашки; черная куртка уже лежала на стуле. Услышав шаги, он повернулся и кивнул в знак того, чтобы я располагалась как дома.

Страшно. Тревожно. Интересно.

Расстегнутая рубашка отправилась на стул; в этот момент я заметила, что ребра мужчины украшают многочисленные багровые синяки. Значит, из увечий «победителю» достался не только порез – неудивительно, если учесть, что их было семеро, а он противостоял в одиночку. Тем не менее мне стало за него обидно – какие же они все-таки сволочи!

«Угу. Теперь, наверное, мертвые сволочи»... Эту мысль, чтобы не пугала, пришлось отпихнуть.

Вместо размышлений я набралась храбрости и шагнула к незнакомцу, осторожно коснулась его алеющей подтеками кожи и прошептала:

– Как они смели целой шайкой нападать на тебя одного?

Глаза стоящего напротив человека от проявленной заботы потеплели не особенно. Вместо ответа на мой вопрос он холодно произнес:

– Ты подвержена следовать необдуманным решениям. Это плохо.

От неожиданности я отступила назад – вдруг вернулся страх. Правильно ли я сделала, что села к нему в машину?

«Поздно корить себя, Элли...»

Меня – пытающуюся казаться храброй, а на деле изрядно напуганную – изучали прищуренные серо-голубые глаза. Передо мной стоял совершенно незнакомый полуобнаженный мужчина с раскочанной мускулатурой и совершенно недобрый взглядом.

«Чем я думала?»

Поздно.

Теперь либо спрашивать прямо, либо просто бежать. Я выбрала первое:

– Я должна тебя бояться?

Тишина. Затем ровный ответ:

– Если я захочу, чтобы ты меня боялась, ты узнаешь об этом.

Я судорожно вздохнула, не сомневаясь в том, что если он захочет, я действительно все узнаю – никаких заблуждений в том, кто здесь главный. И все же ответ чуть успокоил – открытой угрозы в нем не чувствовалось.

В этот момент в кармане брошенной на стул куртки зазвонил телефон.

Мужчина отошел от меня вглубь комнаты, достал сотовый.

– Да, – ответил он и некоторое время молчал. – Да, есть. Мне нужно около получаса, чтобы собрать файлы в один и выслать тебе. Да, сделаю, жди.

Трубка вернулась на место, на меня взглянули вопросительно.

Не зная, какой именно реакции ждут от меня, я завершила наобум:

– Если нужно заниматься делами, занимайся и не беспокойся – я подожду на пляже.

Легкий кивок, смягчившийся взгляд – моему новому немногословному знакомому нравилось, когда понимают с полуслова.

«Вообще без слов. А ты еще думала про общие темы для беседы – они не понадобятся».

Ощущая нервозность и неуверенность в том, что хоть что-либо делаю правильно, я выскользнула за дверь и направилась к воде. Спасибо и на том, что меня не убили. Спасибо, что не высадили по дороге, не завели тупых разговоров, не выказали особенного раздражения, глядя на мой страх.

Песок охлаждал босые ступни; я уселась на него неподалеку от прибора.

А вообще, я немножко гордилась собой: каким-то образом понимала, что женщин, пусть даже на одну ночь, этот человек зовет к себе нечасто. И далеко не всем из тех, кого зовет, он, обладая таким сложным характером, делает поблажки – скидки на чрезмерную болтливость, глупость или капризность. Едва ли этот мужчина чрезмер-

но терпелив. Едва ли он вообще хоть сколько-то терпелив.

Но я все еще тут, на его территории, а это уже маленькая победа.

Он подошел сзади почти неслышно, но я отчетливо почувствовала его присутствие, как ощутила бы приближение опасного хищника чуткая лань.

Я не оборачивалась и ничего не говорила, к этому моменту я вообще перестала ждать полноценного диалога – слишком уж мой знакомый не желал расставаться со словами, как с драгоценным жемчугом барышня. Однако спустя секунду я услышала его голос:

– Пойдем внутрь.

Все это время, пока сидела на пляже, я пыталась понять, зачем же все-таки захотела продолжить знакомство пусть и с привлекательным, но очевидно опасным человеком? Ведь видела, на что тот способен, и тем не менее села в машину. Почему? Шуршание очередной подбежавшей к самым ступням волны вместе с пеной принесло и ответ. Все просто: я всегда мечтала о сильном мужчине. Пусть неразговорчивом, да, пусть опасном, но способном постоять за себя... и за меня. Никогда не грезила ни об эмоциональном парне, ни о чувственном романтике, но о мужчине, перед которым захочется склониться в восхищении. Однако такой ли это человек? С правильным ли характером, с верными ли принципами, с бьющимся ли в груди, несмотря на силу, щедрым на теплоту сердцем?

Ответ на этот вопрос мне предстояло узнать в ближайшие несколько часов.

«А ведь как легко заблудиться, запутаться – принять одно за другое».

Что ж, если я ошибусь в характере, то хотя бы позволю себе испытать физическую близость с определенно сильным и красивым парнем.

«Сильный парень» уже шел по направлению к дому; я поднялась, отряхнула одежду и последовала за ним.

В комнате царил полумрак. На столе в свете лампы поблескивала бутылка коньяка и два хрустальных стакана.

– Хочешь?

– Нет.

Спиртного не хотелось.

Рядом со стаканами стопкой лежали бумаги, справа матово отсвечивал темный экран открытого ноутбука. Под лампой в бежевом абажуре стояла маленькая керамическая подставка, доверху наполненная черными камушками – на каждом выгравирован непонятный символ. Красиво исполненные знаки – все разные, однако если приглядеться, они совершенно не раскрывали смысл.

– А что означают эти символы? – я указала на камешки.

– Почти ничего.

Взгляд прищуренных глаз задержался на подставке; мужчина о чем-то задумался, как будто даже загрустил. В этот момент мне показалось, что он сильно устал – может быть, от драки, может быть, от чего-то еще.

– Ты, наверное, устал. Отдохни. А я посижу...

Уголок красивого рта изогнулся в мягкой усмешке.

– Хочешь проверить, насколько я устал?

Такой ответ смутил. Проследив за тем, как он ставит стакан на стол и медленно направляется ко мне, я почему-то напряглась и отступила назад. Рубаху он так и не надел, что позволяло хорошо разглядеть его накачанную грудь и мощный пресс. Поискав глазами синяки, которые я разглядывала на его ребрах полчаса назад, я изумилась – их не было. Ни одного. Гладкая кожа идеально обрисовывала

мускулы, но даже намек на следы от ударов не осталось.

– Как такое возможно?

«И возможно ли?»

Мужчина приблизился вплотную и уперся двумя руками в стену рядом с моей головой – его лицо оказалось совсем близко. И хотя я была уверена, что он не только услышал вопрос, но и понял его смысл, отвечать-таки не считал нужным. Вместо этого он лениво рассматривал мои губы, будто представляя, какими они могут оказаться на вкус.

От плотного изучающего взгляда мои ноги начали медленно подкашиваться, по низу живота прошла слабая судорога. Этот человек был слишком сильным, слишком властным, чтобы ему противиться. Мое сердце вновь стучало быстро и неровно, чтобы нам не встречаться глазами, я отвернула лицо в сторону. Аромат мужского парфюма неуловимо перемешался с его собственным запахом и теперь дразнил меня, заставляя мысли путаться, а тело предательски вздрагивать в ожидании первого прикосновения.

Мой мучитель не торопился. Как хищный зверь, прекрасно осознающий свою силу, он неспешно наслаждался беспомощностью пойманной в капкан жертвы. Его пальцы, едва касаясь кожи, прошлись по моей щеке, затем по шее.

– Ты очень красивая.

Слушая грохочущий в ушах пульс, я повернула голову и встретила с его ласкающим взглядом – желание почувствовать его губы нарастало. Из проскочившей между нами искры нестерпимо быстро разгорался настоящий огонь, пожар; хотелось оттянуть продолжение и одновременно приблизить его. Но продолжать пока никто не торопился – меня хотели, я это чувствовала, но изучали. Меня пытались ощутить изнутри, прочувствовать, понять еще до прикосновения.

– Пожалуйста...

– Что – пожалуйста?

– Продолжай...

Видеть его губы так близко, но не касаться их стало непереносимо.

Его взгляд сделался почти нежным.

Осторожно приподняв мой подбородок, он наклонился вперед и позволил нашим губам соприкоснуться. Мучительно мягкий вначале, его поцелуй постепенно становился все более настойчивым – мой рот ласкали столь нежно, что хотелось стонать от нарастающего в теле пламени. Левый уголок губ, правый, нежно прикушенная нижняя губа, а впереди настоящий сокрушающий напор – он случится скоро, через секунду.

Огонь лился по венам, словно жидкая лава, и испепелял остатки самообладания, заставлял хотеть «мучителя» все сильнее. Отвечая взаимным желанием, мужские губы становились все более жесткими, пальцы легли на затылок и сжали волосы. Этот жест собственника окончательно лишил меня контроля над собственным телом, ноги отказались держать, и я со стоном начала съезжать вдоль стены.

Сильные руки легко подхватили, и через секунду я оказалась на кровати.

Расстегнута первая пуговица на блузке, вторая, третья; обнаженную кожу жгли не столько прикосновения, сколько ощущение «почти» прикосновений; нестерпимо сильно хотелось почувствовать этого мужчину ближе, глубже. Когда блузка окончательно разошлась в стороны, я прошептала:

– Ты сведешь меня с ума... Слишком нежно...

Мне не ответили. Вместо этого сместились ниже и принялись ласкать мою грудь – ладонями, пальцами, губами, вобрали в рот сначала один сосок, затем другой – то обводили его по кругу, то почти незаметно ласково прикусывали.

«Такой сильный... И такой нежный...»

Мысли путались от возбуждения, низ живота полыхал нестерпимым жаром. Сквозь сладостные волны, пробегающие по телу, я чувствовала, как

его рука, не забывая приласкать каждый участок кожи, опускается все ниже. Поцелуи же, наоборот, вернулись от груди к шее, затем вновь к губам.

Как сквозь сон, я ощущала его руку между своих бедер – теплые пальцы скользили по шелковой ткани трусиков, осторожно приближаясь к тонкой полоске сбоку. На короткий миг раздался слабый треск, и резинка мгновенно ослабла.

«Он порвал их... Порвал одной рукой?»

От неожиданности я вздрогнула и попыталась привстать, но меня прижали обратно к кровати.

– Все хорошо, девочка, не напрягайся.

Его ладонь безо всякой попытки удушить плотно сжимала мою шею; глаза в глаза, неуловимый, но невероятно плотный контакт. Я почувствовала, как настойчивые пальцы нашли вторую сторону кружевной резинки, и через мгновение лопнула и она.

«Создатель, какая сила скрыта в этом человеке?» К моему возбуждению примешался липкий и оттого еще более волнующий тело страх; тихонько звякнула металлическая пряжка ремня.

Спустя секунду между моими влажными завитками втиснулась горячая и плотная головка – едва проникла внутрь, остановилась, замерла; мое же тело рвалось навстречу, желало ее всю – всего его целиком.

– Ты... Ты... огромный.

Тяжелый сильный мужчина лежал на мне и не двигался, наполненный нежностью взгляд следовал за пальцами, которые гладили мое лицо. В этот момент меня любили, меня боготворили, и не просто как женщину, а как одну-единственную – чутко, всецело, глубоко. Обо мне

заботились, меня лелеяли, меня оберегали. Невозможный вихрь чувств, невозможный океан эмоций – а я ведь думала, что при встрече «на одну ночь» такого не бывает. Бывает. Не только бывает – есть сейчас.

Между ног пульсировало; горячая и чувственная головка (а ведь он действительно большой) подрагивала, словно желающий ринуться в бой всадник.

– Расслабься, маленькая, я не сделаю тебе больно.

Я расслабила напрягшиеся мышцы.

– Все хорошо, – ласковые пальцы продолжали гладить мое лицо. – Ты веришь мне?

Я прислушалась к интуиции.

– Да.

Он чуткий. Он невероятно чуткий.

– Молодец.

Одновременно с обжигающим поцелуем он начал медленно, но неумолимо проникать внутрь. Мое лицо успокаивали ласками, в то время как огромный горячий поршень раздвигал и растягивал тонкие стенки – входил все глубже, устраивался в новом жилище, создавал себе комфорт, завоевывал новое пространство.

Я застонала. Сильные руки крепко сжимали меня так сильно, что не позволяли двигаться, мощное тело прижимало к кровати, не выпуская из сладостной ловушки. Весь скользкий от моего желания, огромный и горячий, он мощными толчками продолжал двигаться во мне, заставляя забыть о том, что существует процесс мышления, что существует внешний мир, что существует что-то помимо понятия «он» и «я».

Время растянулось, размякло и принялось ускользать. Мои руки сжимали широкие плечи, гладили затылок и волосы, царапали спину. Я извивалась, будто все еще зачем-то надеясь вырваться – впрочем, тщетно. Мной владели целиком: телом, каждым движением, мыслью, эмоцией. Мне не оставляли шансов на ненужный нам обоим побег, меня заставляли прочувствовать каждое движение, каждый толчок, каждый – свой и его – выдох и вдох. Этот мужчина не брал наполовину – он брал целиком, мягко и одновременно жестко приказывая отдать ему все.

И я отдала.

В какой-то момент мир разорвало надвое яркой вспышкой, из горла вырвался стон-крик,
а

моя спина выгнулась от сотрясающих тело спазмов. Ногти впились в кожу; содрогаясь под плотно впечатавшим меня в кровать мужчиной, я продолжала стонать и дрожать до тех пор, пока сладкие волны не начали сходиться на убыль.

Как только мои спазмы утихли, в меня резко вошли до самого конца. Мышцы спины под пальцами напряглись так сильно, что превратились в камень, мощные руки-тиски вдавили меня в матрас, ягодичцы принялись мерно и жестко двигаться вверх-вниз – толчок, еще толчок, еще-еще-еще...

Секундная тишина, обездвиженное, словно застывшее напряженной статуей тело – и он излился внутрь, теперь уже не заботясь о приличиях и ведомый лишь одним инстинктом, вдалбливался, вздрагивал, сжимал, рычал.

А после, все еще оставаясь напряженным, обмяк и затих.

Будто сквозь дымку в моей голове разлилось чувство невыразимого покоя – я гладила потную горячую спину, шею, плечи. Я ласкала его и будто шептала кончиками пальцев – все хорошо, все очень хорошо.

Все не просто хорошо, все замечательно.

В этот полный умиротворения момент моя голова не желала анализировать, однако сквозь расслабленность пробивалось одно-единственное вывод-чувство: я все сделала правильно. Правильно, что села к нему в машину, что поехала с ним, что доверилась своему чутью.

Он замечательный. Не просто замечательный – чудесный. Чуткий, нежный и, несмотря на брутальный внешний вид, невероятно заботливый. Оказывается, такое бывает.

Не поддавшись страху, я, как женщина, склонилась перед победителем, а в итоге оказалась награждена сама.

И среди нас не осталось ни победителей, ни побежденных – только невероятным образом тонко почувствовавшие друг друга мужчина и женщина.

Думала ли я, что исход этой ночи может быть лучше? Нет. Он был самым лучшим.

Утренний свет пробивался сквозь занавешенное окно, с пляжа доносился размеренный шум прибоя.

Лежа с закрытыми глазами, я зачем-то в полудреме считала волны.

«Две, три, четыре...»

Это бесполезное занятие оттягивало момент окончательного пробуждения и позволяло оставаться во власти умиротворения и неги еще какое-то время.

Входная дверь тихо скрипнула, пропуская внутрь человека, который был со мной этой ночью.

«И подарил непередаваемое наслаждение».

Он поднялся гораздо раньше, но меня – гостью – тактично будить не стал, и я была за это признательна.

Царапало беспокойство и ожидание неизвестного.

«Каким он будет сегодня? Холодным и неприступным? Равнодушно-вежливым? Или же, как прошлой ночью, чутким и внимательным?»

Последнего мне очень хотелось, но я понимала, что шансов увидеть с утра его счастливую улыбку у меня немного.

Я неслышно вздохнула, открыла глаза и увидела, как мой новый знакомый, чьего имени я до сих пор не знала, расставляет на столе кружки и достает кофе. Из стоящих рядом бумажных пакетов аппетитно пахло горячими булочками.

«Где он достал свежую выпечку на берегу океана?»

Ответ не замедлил явиться, когда зазвонил телефон.

– Нет, спасибо, больше ничего не нужно. Приготовь мой джип, сегодня придется съездить в Антеру.

Антерой назывался небольшой индустриальный город, лежащий в ста километрах к западу от

Канна, расположенный сразу за Интанским хребтом, ввиду чего к нему вела единственная узкая и довольно опасная горная дорога.

Предполагая, что хозяин бунгало может торопиться по своим делам, я быстро поднялась с кровати и принялась одеваться. Обернувшись на шум, тот едва заметно кивнул мне в знак приветствия, продолжая отдавать распоряжения по телефону:

– Составь для меня план документов и предупреди их о моем приезде. Да. Пока больше ничего.

Я спешно натянула юбку, застегнула блузку на верхние пуговицы и, стараясь не мешать разговору, босая выскользнула за дверь. Свежий утренний воздух пах солью, океан спокойно и неторопливо покачивал синие волны, величественно раскинувшись до самого горизонта. Из-за голубых облаков, кое-где еще окрашенных в бледно-розовый, уже показались яркие лучи солнца. Белесая дымка, витающая над водой вдаль, почти рассеялась, позволяя взору увидеть границу, где бирюзовая гладь воды плавно перетекала в прозрачное небо.

Свежо, здорово, хорошо – как же сильно пляж бодрит по утрам, – я с наслаждением потянулась и прошла к воде. Изумительное место, неправдоподобно красивое. Наверное, нельзя смотреть на такое каждый день, чтобы не потерять остроту восприятия, и мне, что неувиди-

тельно, как и любой другой девушке на моем месте, очень хотелось побывать здесь еще раз. Смогу ли я запомнить сюда дорогу и вернуться самостоятельно? Скоро станет ясно.

Океан манил, призывал в него окунуться, но из-за отсутствия уверенности в том, что у меня будет время на последующий душ и «высыхание», идею о купании пришлось отложить и заменить ее обычной прогулкой вдоль пляжа.

«Повезло кому-то иметь здесь домик».

Кому-то. Красивому безмянному мужчине в черной кожаной куртке. Ему, наверное, во многом повезло.

От одного края бухты до другого ровно три минуты ходьбы; исследовав местность, я отряхнула ступни от песка, обулась в босоножки, которые до того держала в руке, и направилась к дому – в беспокойную неизвестность.

Не хотелось прощаться. Совсем не хотелось. Пусть будет хотя бы шанс, хотя бы полшанса встретиться вновь, и я буду самой счастливой девчонкой этого дня. Глупо? Наверное, но сердце уже тепло и крепко обняло незнакомца и отпускать ни за что не желало. Как ему приказывать – сердцу?

Оказалось, что к тому времени, пока я прогуливалась, разговор по телефону закончился, а на столе появилось все необходимое для завтрака: сахарница, ложки, кувшинчик со сливками и хрустящие круассаны.

– Выспалась?

– Да, спасибо. – Я улыбнулась. Утренний свет почти не смягчил мужественную красоту сидящего в плетеном стуле мужчины: та же жесткая квадратная челюсть, внимательные серо-голубые глаза, дерзко очерченные красивые губы. И не нужна такому ни косметика, ни расческа, чтобы завораживать в любое время суток.

Наливая в кофе свежие сливки, я старалась ощутить, что именно изменилось этим утром, а интуиция твердила – что-то изменилось однозначно. Несмотря на расслабленно-спокойное выражение лица моего нового знакомого, мне показалось, что между нами в воздухе выросла плотная и довольно холодная стена. Почему? Неужели... ему было так плохо?

Несмотря на рационализм и понимание того, что первая встреча вполне может стать последней, сердце беспокойно екнуло. Хотелось сжаться, поместить себя в невидимую скорлупку и сообщить: «Ты иди по делам, если хочешь, а я побуду здесь. Поплаваю, подожду тебя, и, может быть, ты вернешься в другом настроении и мы снова побудем вдвоем. Может быть, тебе будет хотеться побыть со мной...»

Ведь главное – не рубить с плеча, не отбрасывать возможности. Кто знает, чем они могут обернуться? А вдруг?..

«Элли, прекрати бредить. Кто захочет увидиться, предложит сам, а кто не захочет...»

Да, тому не нужно навязываться – я это знала. Однако, несмотря на бронебойные доводы логики, я намеренно медленно помешивала в кружке сахар и судорожно подыскивала тему для разговора. О чем же поговорить? О погоде? О чудесном утре, о прекрасной ночи?

Все не то, не то.

Какие слова служат ключ-паролем к этому дому, пляжу, закрытому сердцу? Что именно требуется произнести, чтобы очутиться здесь еще раз? И существует ли на повторную встречу хоть малейший шанс?

«Ты навязываешься, Элли! Навязываешься».

«Да, навязываюсь, я знаю».

Вот только мысль о том, что придется уехать отсюда и навсегда забыть о безмянном незнакомце, покалывала изнутри.

Предположим, я могу расспросить об этом человеке своих знакомых – описать им его внешность, назвать номер машины. Вероятно, я даже смогу узнать имя и адрес, вот только что

это даст? В Канне не принято являться в гости без приглашения, совсем-совсем не принято и даже чревато негативными последствиями, а значит, подобный вариант исключен.

Все еще лелея тайную надежду, что не все потеряно, я попыталась прощупать почву:

– Ты торопишься?

– Не настолько, чтобы не дать тебе допить кофе.

Я смущенно потупилась в кружку.

«Ответ не самый теплый. Ладно, попробую дальше».

– А я ни разу не была в Антере. Слышала, там удивительно красивая природа!

Он оторвал взгляд от просматриваемой газеты (вероятно, ее доставили сюда вместе с выпечкой) и произнес:

– Там очень опасные дороги. Сегодня-завтра обещают сильный ветер, я бы не советовал путешествовать туда в ближайшие дни.

«Меня опять оставили в стороне».

Я все сильнее расстраивалась, но сдаваться не собиралась. И с риском попасть в категорию излишне навязчивых дам, спросила:

– А как называется место, где мы находимся?

Меня удостоили внимательным, но прохладным взглядом, и прежде чем ответить какое-то время молчали.

– Бухта «СантаРайз».

– Никогда не слышала о ней, а ведь здесь такие прекрасные пляжи – рай для купа...

– Это частная территория.

Эта фраза, сказанная спокойным ровным голосом, заставила меня отступить от любых попыток дальнейших переговоров. Все ясно – повторной встречи не будет.

«Какая же я наивная. Решила, что после одной-единственной ночи он будет счастлив продолжить со мной отношения. Обрадовалась!»

Кофе мы допивали в молчании: он – уткнувшись в газету, я – в кружку.

«Ну и пусть... – Стараясь отыскать в свершившемся хоть что-нибудь положительное, я мысленно поблагодарила сидящего рядом человека. – Спасибо за то, что хоть раз позволил увидеть это место. И за то, что был нежен со мной вчера».

Воспоминания о прошлой ночи непроизвольно вызвали на щеках яркий румянец, и, чтобы скрыть эмоции, я отвернулась. Мои сантименты все равно никому не нужны, и меня, скорее всего, даже не поцелуют на прощанье.

Осознание того факта, что встреченный мной человек не сопливый романтик, а волк-одиночка, совершенно не помогли справиться с грустью и смириться с необходимостью уйти.

«А ведь была надежда. Мечта... на непонятно что».

Почему-то хотелось стать для него особенной, чем-то выделиться и, как следствие, услышать: «Может быть, встретимся снова?».

Я просила слишком многого? Чуда? Нет, не чуда – возможно, мы никогда не смогли бы поладить нигде, кроме постели, и выяснить это удалось бы лишь через несколько лет, – я мысленно просила о малом – чтобы просто не гасили тонкий лучик надежды.

– Когда закончишь завтрак, дай мне знать – я отвезу тебя в центр Канна.

«Да, не домой. Ни «где живешь, дорогая»? Ни «куда тебя доставить?» Зачем ему это? Просто в центр, угу».

Последний глоток кофе стал самым горьким.

Мужчина поднялся из-за стола, отошел к стоящей у стены тумбе и принялся складывать в сумку бумаги. Пока он стоял ко мне спиной, мой взгляд упал на подставку с черными камушками, и тут же мелькнула мысль:

«Всего один. На память. Он даже не заметит».

Я быстро протянула руку, тихонько зажала в кулаке камешек и тут же приняла исходное положение допивающей кофе скромной гостьи.

«Куда, вот только куда его спрятать? Карманов нет, сумка на стуле у кровати... Нужно как можно быстрее до нее добраться».

Стараясь исключить из своих движений поспешность, я чинно поднялась из-за стола и направилась в другой конец комнаты, к стоящему у стены стулу. Незнакомец вдруг затих; я ускорила шаг.

– Что у тебя в руке?

Вопрос заставил застыть на месте.

– Заколка для волос.

Он прищурился.

– Покажи.

Я нехотя обернулась.

– Это всего лишь заколка для волос...

– Я сказал – покажи. Не заставляй меня просить еще раз.

Жесткие интонации голоса исключали всякую просьбу – они ясно указывали, что это приказ.

Приподнять руку я смогла, а вот разжать кулак – нет.

Когда по направлению ко мне сделали решительный шаг, мое самообладание вдруг испарилось, и я завопила:

– Это камень из вазы со стола! Всего один! Оставь его мне!

Мужчина стремительно приближался, я рванула бегом. Хотела к двери, на улицу, но не успела – уже через пару шагов ощутила сильный направленный толчок в плечо и почувствовала, что заваливаюсь куда-то вправо.

«Спасибо, не на пол» – мелькнула паническая мысль.

Падение на жесткие доски оставило бы на моем теле множество синяков, но сия кара меня минула – я угодила грудью на матрас, лицо при этом с размаху впечаталось в подушку. Преследователь моментально навалился сверху.

Ощущая, что сквозь плотную ткань почти не могу дышать, я кое-как повернула лицо в сторону. Казалось, на мне лежит не человек – бетонная плита – ни вдохнуть, ни выдохнуть. Черт бы его подрал, этого жадину!

– Отдай.

Стальные пальцы ковыряли мой кулак, а я изо всех сил боролась за камень.

– Не забирай! Не смей! Пусть будет моим подарком...

– Не шути со мной, девочка, – спокойный голос разительно контрастировал с жестким захватом.

– Оставь мне камень! – хрипела я.

– Нет.

– Что тебе стоит?! У тебя их целая чашка!

– Нет.

– Оставь... – Мой голос сделался жалобным – мне не справиться с ним, никогда не справиться! В этот миг попытки разжать мой кулак прекратились.

Они и были-то слабыми – пожелай сей «робот» получить имущество обратно, добился бы своего максимум за две секунды. Но незнакомец не желал насилия – он, скорее всего, просто хотел показать, кто здесь главный, расставлял приоритеты – я охотник, а ты жертва. И не путай.

Я не путала. Куда там... И в какой-то момент даже заскулила от отчаяния.

Меня неожиданно перевернули на спину – теперь охотник и жертва находились лицом к лицу.

– Зачем он тебе?

Я смотрела в сторону. Я знала, но как объяснить?

Не скажешь ведь, что на память? Тут же примут за сентиментальную дурочку и отчитают. Что остается? Соврать, что я геолог и коллекционирую редкие виды каменных пород? Не поверит. Как не поверит и любой другой наспех слеplенной загланным разумом лжи. А если так, какой смысл врать?

Пришлось разжать плотно слеplенные губы, вздохнуть и ответить честно:

– Чтобы осталось что-то на память о тебе.

Какое-то время серо-голубые глаза пристально вглядывались в мое лицо.

Но едва испарившаяся надежда на то, что мне оставят камень, зыбко заколыхалась вновью, как раздались бесстрастные слова:

– Если тебе нужен подарок, я дам тебе денег. Выберешь любой.

Меня будто ударили наотмашь по лицу.

От унижения, которое пронзило сердце острой иглой, я временно перестала дышать. Неужели он думает, что мне требуется вознаграждение за проведенную с ним ночь? Неужели думает, что предложив деньги, сможет откупиться от моего желания увидеть его снова? Думает, что я за деньги легла в его постель?

Стало не просто обидно, стало горько. Грязно, что ли. Стараясь не смотреть ему в глаза, я медленно разжала кулак – черный камень выпал из ладони на мягкую ткань покрывала.

– Ничего не нужно. Спасибо. Забери.

Отвернувшись в сторону, я резко оттолкнула державшие меня за плечи руки и выбралась из-под тяжелого тела.

– Отвези меня, пожалуйста, в Канн. В центр. – Стараясь сохранить голос бесцветным, я подхватила со стула сумочку и направилась к двери.

В кои-то веки мне сделалось совершенно ясно, что меня не попытаются остановить. Не попросят номер телефона, не предложат встречу, даже имени не спросят.

Но я больше этого и не ждала.

Толкнув деревянную дверь наружу, я зашагала по белоснежному песку к машине.

Высокий темноволосый человек стоял на берегу океана. Хмурое небо превратило еще недавно сверкавшие всеми оттенками голубого волны в темно-серую бушующую от негодования водную поверхность.

Вечерело, с востока медленно надвигался шторм. Темные облака клубились стаями, заглатывая те немногие участки неба, сквозь которые еще пробивались солнечные лучи. Ветер раз за разом бросал холодные порывы в лицо стоявшему мужчине, но тот не замечал этого. Волосы его растрепались, брови нахмуренно сошлись в одну линию, серо-голубые глаза пристально смотрели на горизонт, но не видели его. Не слышал он и протяжного скрежета пальмовых стволов, пригнутых к земле надвигающимся ураганом.

Человек размышлял.

По какой-то причине мысли его раз за разом возвращались к девушке, в памяти то и дело возникал ее образ: светлые длинные волосы, огромные голубые глаза, полные боли после того, как он отобрал у нее тот чертов камень.

Зачем он вообще думает об этом? Отобрал и отобрал. Он осознанно принял решение зарубить

любые зарождающиеся в ней надежды на продолжение отношений, намеренно обидел ее, избрав для этого максимально болезненную фразу. Как нанести удар человеку – физический или моральный, – он знал всегда; разве не в этом заключался его профессионализм?

Камень мог дать ей шанс узнать о нем больше, а этого не стоило допускать. Человек, рожденный убивать, не нуждается в друзьях, равно как не нуждается он и в женщинах.

Разве что изредка.

Так получилось и в этот раз.

Чем-то неуловимым она пробудила дремлющее в нем обычно любопытство. Чем? Да тем самым жестом одобрения, который так нелогично, если не сказать опрометчиво, выразила в самом конце его битвы. Не убежала ведь, стояла там до конца, смотрела. Убивать ее он не стал бы в любом случае – максимум, припугнул бы, – а как только увидел поднятый вверх палец и полный восхищения женский взгляд, удивился сам.

Дурочка. Безмозглая и романтическая.

Ведь сразу понял, что не стоило подбирать ее там, на обочине, но зачем-то притормозил, позволил себе приглядеться к ней еще раз – высокой, стройной, утонченно-красивой. Но красивых женщин он повидал немало, и привлекло его не это. Тогда что?

Да эта ее показушная храбрость.

Мало того, что ей хватило смелости торчать в месте, где ей было не положено торчать, до самого конца, мало того, что она показала ему большой палец в качестве жеста восхищения, так еще и повернулась после этого к нему спиной.

К нему? К тому, кто запросто мог выстрелить ей в спину? Кто мог догнать и свернуть шею? Ведь скорее всего она догадывалась о том, кто он такой, – догадывалась, но развернулась, чтобы уйти.

Дерзкая.

Позвав ее с собой, он лишь хотел убедиться, что эта храбрость бравурная, наигранная. Но не жи-

данно для него самого она согласилась сесть в машину.

Что ж... Она заслужила, чтобы ей уделили внимание на одну ночь. Воспоминания о нежном податливом теле заставили кровь тяжелыми толчками запульсировать в паху, джинсы в районе ширинки натянулись.

Мужчина чертыхнулся.

Все. Он отвез ее в город, и больше они не увидятся. Так должно быть и так будет.

Стоит ли позволять ненужным мыслям проникать под жесткий самоконтроль из-за очередной симпатичной мордашки?

Нет.

Первые холодные капли дождя упали на волосы и песок, застучали по крыше бунгало. Внезапно налетевший ветер вздыбил пенящиеся волны, натужно заскрипели пальмовые стволы.

Мужчина повернулся и зашагал к дому.

Глава 2

Два дня спустя

Солнечный полдень освещал высокие многоэтажные здания Канна, заставляя обилие стекла искриться от света. По дорогам мчались потоки машин, лихие гонщики сигналили нерасторопным прохожим, шум и гвалт доносился отовсюду. В центре города, как и всегда в этот час, кипела жизнь: всюду сновали люди, открывались и закрывались двери многочисленных магазинов, вдалеке кричал разносчик полуденных газет.

Закончив с визитом в парикмахерскую, я направилась в ближайшее кафе перекусить и выпить чашку кофе; важные дела на сегодня закончены, можно отдохнуть.

С утра я забежала на работу, спросила, нет ли новых заказов, но шеф, не отрывая взгляда от экрана монитора, лишь покачал головой.

В последние полгода люди все чаще передумывали украшать свои жилища витражным декором, предпочитая ему светящиеся сетки с огоньками, которые красиво смотрелись, сто-

или в два-три раза дешевле и отвечали последнему веянию моды. Мода или нет, а вся следующая неделя ввиду отсутствия новых заказов у меня выдалась совершенно свободной. Осталось лишь решить, как именно ее провести.

Выполнение предыдущего проекта отняло много времени – почти месяц. Множество эскизов, бесконечный поиск вдохновения, чирканье карандашом по ватману при свете ночника, критика, а после и одобрение начальства – все это того стоило. В итоге полукруглую крышу торгового центра «Марко Дани» украсил сияющий золотой купол – абстракция из голубых, бежевых и серебристых тонов, которую не преминули заметить, дополнительно разрекламировав галерею, газетчики, – я же получила не только процент от сделки, но и премиальные. Внушительную, проще говоря, сумму, которую следовало бы куда-нибудь потратить.

Тратить деньги приятно, тратить их правильно, и особенно правильно их тратить тогда, когда это приносит удовольствие. Моя же проблема последних двух дней заключалась в том, что настроение с отметки «мрачное» не двигалось ни вправо, ни влево. Ни тебе «спокойное и гармоничное», ни «радостно-восторженное», ни хотя бы «приемлемое». И причин тому было несколько.

Во-первых, моя лучшая подруга Лайза уехала отдыхать в Минару – южный город, славящейся экзотической кухней, белоснежными песками пляжей и исключительно теплым в любое время года, не в пример здешнему, морем, и возвращаться в ближайшие дни не собиралась. Веселый парень, дизайнер одежды Саймон, который был вторым моим ближайшим другом, отправился в Риду, выставлять коллекцию в Гранд-Паласе, а после почи-

вать на лаврах, ибо его изделия были действительно прекрасны и заслуживали наивысших похвал. Удачи ему в Риде – пусть все выйдет замечательно. Остальные же друзья-знакомые по разным причинам оказались либо заняты, либо недоступны для общения.

И ладно.

Второй причиной моего мрачного настроения стала невозможность купить, несмотря на наличие средств, тот автомобиль, о котором я мечтала уже несколько месяцев. Оказалось, что в фирменный салон он прибыл в единственном экземпляре, где в течение недели оказался благополучно куплен. Таким образом, на моем вожаденном серебристом «Мустанге» теперь восхищенно катался кто-то другой.

Мда, бывает. Придется подождать вновь – не смертельно, но неприятно.

Существовала и третья причина – мужчина. Тот самый противный и бесконечно привлекательный мужчина, который пару дней назад позволил коснуться своего божественного тела, но так и не позволил коснуться души. Наверное, случается и так: двенадцать часов знакомства и сорок восемь часов мучений.

Может, давно нужно было отпустить?

Отпустить, однако, не получалось – каждый раз, шагая по тротуару, я нет-нет да и окидывала цепким взглядом все проезжающие мимо темные автомобили, надеясь, а вдруг рядом остановится тот самый? Вдруг появится шанс? Вдруг...

Это приставучее «вдруг» и вызывало ежеминутные вздохи, а также держало отметку настроения в непривлекательной зоне. Нет, я не сползала в откровенную депрессию и всячески старалась отвлечься: занималась шопингом – скупала не особенно нужную, но красивую одежду и такие же почти ненужные товары для дома, – ходила на выставки, через пять минут после выхода из галерей забывала об увиденном, звонила знакомым в на-

дежде на то, что кто-нибудь из них предложит хорошую идею совместного досуга, которая поможет отвлечься.

Но самое худшее, что я все это время, хоть и не признавалась в этом, ждала встречи с ним.

Несколько раз мне в голову приходила мысль о том, чтобы обратиться к Информатору, но всякий раз я решительно отметала ее. Информаторами именовались люди, владеющие информацией, – как ни странно, любой. Действительно любой. Отыщи такого, задай вопрос, заплати

огромную сумму за ответ (а суммы, судя по слухам, всегда назывались баснословные) и получи ответ. Чаще не полноценный ответ, какой выдал бы любой самый примитивный интернет-поисковик, а очень короткий ответ, но зато точный и по существу: кто такой, где живет, чем занимается. Хотя я и сама догадывалась, чем занимался мой ночной знакомый, – скорее всего, подрабатывал наемником.

Вывод этот хоть и пугал, но предаваться мечтам не мешал – удивительное сочетание.

Да, Информатор лишил бы меня большей части накопленной суммы, но позволил бы узнать больше, однако основным аргументом против являлся все тот же довод – даже зная адрес, я не смогу просто так прийти в гости. А шпионить? Да совсем я, что ли, сумасшедшая? И кто сказал, что тот самый «объект», о котором выясняли детали, после не пожалует в гости сам? И не с бутылкой вина и цветами, а с вопросами «зачем» и «для чего»? Объясняй потом опять про свои влюбленные порывы – они и так были налицо.

Глупо.

Обо всем этом я думала, следуя по пути к излюбленному кафе «Выпечка у Лиона». Полквартала по правой стороне, перейти дорогу на светофоре, миновать пятиэтажный дом с персиковыми стенами.

Спустя пару минут, проводив глазами очередной проезжающий по дороге черный автомобиль,

я толкнула дверь, из-за которой пахло корицей и кофе.

Просторный светлый зал, белые кружевные скатерти, изящные салфетки в узорных подставках, удобные бежевые диваны – вот за что я любила интерьер этого заведения. Просто, изящно, со вкусом.

Диван приятно холодил кожу, под толстым стеклом на столе проглядывал выложенный из кофейных зерен замысловатый рисунок.

Улыбаясь, ко мне подошла официантка.

– Добрый день! Уже знаете, что именно будете заказывать?

– Уже знаю, – несмотря на тоску, я непроизвольно улыбнулась в ответ. Хорошая девушка, с приятным лицом, открытая. – Печеные лукошки с клубникой и лимоном, ореховый соус и кофе по-каннски.

– Лукошки только что поставили в печь, они будут готовы через несколько минут.

– Все в порядке, я не тороплюсь.

Официантка сделала пометки в блокноте и удалилась.

Ожидая заказ, я рассеянно смотрела в окно – на расположившийся напротив ювелирный магазин, забитую перед ним парковку, пышные кроны растущих вдоль дороги деревьев – и думала о том, что большинству людей, как и мне теперь, свойственно ощущение недовольства. Вроде бы и день хороший, а ты смотришь в окно и не видишь его. И все потому, что жизнь идет не так, как тебе хотелось бы, пусть даже в мелочах. Вот если бы Лайза не уехала, мы сидели бы сейчас в кафе вместе, если бы автомобиль не продали, я находилась бы по пути в автосалон, если бы тот мужчина – тот чертов мужчина – оказался чуть более дружелюбным, у нас появился бы шанс на что-то большее.

Мои «если бы» текли в произвольном порядке нескончаемой чередой. Если бы, если бы, если бы...

В какой-то момент в сумочке запищал телефон. Я, не отрывая взгляда от улицы, пошарила в ней рукой и вытащила трубку. Привычно, зная их все на ощупь, ткнула в кнопку ответа.

– Аллю?

– Привет, милая, это Энди!

– Привет, Энди! Рада тебя слышать! А ты разве не в Риде?

Энди Кулани – близкий друг Саймона, и я предполагала, что на показ новой коллекции они уехали вместе.

– Я был там, но уже вернулся. Хочешь услышать, как прошел показ?

– Конечно, во всех подробностях!

– Могу рассказать вечером.

– Конечно, только скажи, где и когда, и я обязательно подъеду.

Ну вот и нашлось хоть какое-то средство от безделья – благослови Создатель Энди, ибо тот объявился так вовремя!

– Сможешь подъехать сегодня в «Сэнди-Палас»? Там вечером будет грандиозное шоу – лучшие танцевальные труппы Канна, представляешь? А после сможем выпить и поговорить, идет? На входе тебя пропустят, я договорюсь.

– Ух ты, здорово! Конечно, буду!

– Тогда найдемся там после шоу, созвонимся, ладно? А пока я побежал – у меня свидание с Андре, а я на него опаздываю. Черт, на первое! Что он обо мне подумает?

– Что ты очаровашка. – О том, что Энди предпочитает женщинам мужчин, я знала с самого начала, однако это никоим образом не мешало нам быть друзьями. – Главное, не дави на него слишком сильно, улыбайся и будь собой.

– Отличный совет, так и сделаю. Все, Элли, пока! Я побежал.

И мой собеседник дал отбой.

Надо же, еще несколько минут назад я ожидала, что меня ждет один из самых скучных вечеров в жизни, а тут планы взяли и сформировались сами собой – чудеса, да и только! Жизнь плавно, но стремительно налаживалась. «Сэнди-Палас» несколько раз в месяц устраивал в своих стенах самые яркие и запоминающиеся шоу Канна, и попасть хоть на одно из них было настоящей удачей. И я попаду! Уже сегодня! Разве не здорово?

Через минуту к столу пожаловала и официантка.

– Ваши лукошки! Еще не устали ждать? Только из печки.

– Нет, вы принесли их в самый раз.

Передо мной поставили тарелку со сладостями, чашку с кофе, разложили приборы и, пожелав приятного аппетита, удалились.

Ух, жизнь точно налаживалась. Правильно говорят: хорошие события всегда случаются вовремя, а как только это происходит, сам не можешь вспомнить, и чего так сильно расстраивался все это время? Сегодняшний вечер будет чудесным не только благодаря танцевальному шоу, лицезреть которое мне предстоит через несколько часов. Главное – он будет хорошим потому, что мне наконец-то удастся (пусть временно) отвлечься от мыслей о мужчине с холодными серо-голубыми глазами.

Все, не думаю о нем. Больше не думаю. Пусть все мое внимание достанется лукошкам, и только им.

В половине восьмого одетая в легкое золотистое платье на бретельках я вышла из такси перед величественным зданием «дворца развлечений», поблагодарила водителя за пожелание хорошего вечера и глубоко вдохнула чуть сыроватый, пахнувший близким океаном воздух.

«Сэнди-Палас» – да, именно он. Не дом, не здание, а крылатая идея сбрендившего архитектора:

множество позолоты, стекла, пафоса и выходящие с обратной стороны прямо на песок широкие мраморные ступени. По периметру каждого этажа тянулась лепнина в виде фигур танцующих пар, снизу, взрывая стекло бликами, светили вмонтированные в бетон прожекторы. Бесконечные колонны, балконы, множество залов и закутков – как же много я слышала об этом удивительном месте от друзей, но сама никогда не бывала внутри. Дорого, сложно достать приглашение, баснословные суммы за билеты.

«Спасибо, Энди! Бесконечно огромное тебе спасибо!»

Сверкающие разномастные машины забили просторную стоянку перед «дворцом» до отказа – не осталось ни единого пустого места.

«Сколько же сегодня здесь будет людей? Много?»

Не просто много – очень много.

По широким мраморным ступеням уже поднимались одетые в дорогие костюмы и вечерние платья мужчины и женщины. Некоторые, впрочем, пренебрегая установленными правилами, предпочитали проводить вечер в свободной и комфортной одежде – они явились на шоу в джинсах, майках, туниках, лосинах и даже – чур меня! – в шортах.

«Да уж, каждому свое».

Но куда больше неформалов в шортах меня поразила движущаяся справа пара мужчин, одетых в фетровые шляпы, фиговые листья на «причиндалах» и обутых в начищенные до блеска ботинки. Пришлось удержаться и не захихикать.

Обмен комментариями, восхищенные вздохи, шарканье множества ног по ступеням – монотонный приглушенный гомон; спустя минуту я оказалась внутри и почти сразу же застыла на месте, пораженная великолепием убранства.

«Сэнди-Палас» впечатлял как снаружи, так и изнутри: с потолка на длинных цепях спускались переливающиеся разноцветными бликами хру-

стальные люстры, на второй этаж тянулась широкая увитая резными перилами мраморная лестница, и все – бархат, парча, позолота, фрески на стенах и потолке – кричало о дороговизне.

«Нет, архитектор точно пил одновременно с дизайнером интерьера. Они нашли друг друга».

Однако, несмотря на помпезность, все выглядело действительно красиво – даже расположенный перед лестницей многоярусный создающий в воздухе водяную завесу фонтан.

Оправившись от первоначального изумления, я двинулась дальше. Мое предположение о том, что людской поток от внешних дверей сразу же направится на вторую лестницу, туда, где состоится само шоу, оказалось ошибочным, – многие для общения расположились именно здесь, в холле.

Гости стояли группами – маленькими и большими: по двое, трое, десятеро, а то и сразу по несколько десятков человек; отовсюду доносился хохот. Все либо знали друг друга, либо знакомились тут – одиночек, как я, почти не наблюдалось.

Побродив среди незнакомых лиц и выпив предложенный официантом-разносчиком бокал шампанского, я направилась в дамскую комнату. До начала представления осталось не более получаса.

Внутри оказалось пусто. Повезло? Или же из двухсот дамских комнат я случайно выбрала самую дальнюю? Не важно. Я подошла к зеркалу, критично оглядела собственное отражение и, как ни странно, осталась довольна – платье не помялось, макияж не смазался, завитые локоны не распустились.

«Найти Энди сейчас? Наверное, это почти невозможно среди этого гомона и толпы. Лучше потом».

До начала шоу осталось совсем мало времени, и я решила, что лучше потратить его не на поиски друга, который вскоре найдется сам, а на дальнейшее изучение «Сэнди-Паласа» – слишком много осталось непосещенных – невиденных мной – за-

лов, слишком интересными казались гости и их наряды. Поброжу по балконам, найду те, что выходят на океанский берег, выпью еще шампанского.

Эйфория и общее веселье будоражило, хотелось окунуться в него целиком – пусть даже в одиночестве – выпитая, насладиться, пропустить через себя. Когда еще выпадет шанс посетить подобное место? Возможно, никогда.

«Не с моим отсутствием проектов и хорошей зарплаты в будущем».

В очередной раз мысленно поблагодарив Энди за возможность отвлечься, я выпорхнула за дверь и слилась с толпой.

Прекрасная атмосфера, прекрасный вечер.

Тогда я еще не знала, что события кардинально поменяют ход через час. Всего один короткий час.

Шоу-балет «Экзотика», состоящий исключительно из полуголых мужчин, закончил выступление и поспешил предоставить место на сцене следующей группе. Судя по программе, которую я видела в холле на стене, следующими сцену должны были занять «Дивы» – шесть красивых танцовщиц, исполняющих «тур-данс в стиле джаз».

Пока я силилась уловить смысл словосочетания «тур-данс», объявленные дамы появились на сцене – каждая с белоснежными крыльями за спиной и черным увенчанным кисточкой хвостом.

«Ангелы и демоны в одном лице? Пикантно».

Последние несколько минут я стояла, прислонившись к колонне в самом центре зала, откуда открывался хороший вид на сцену. По периметру, на некотором возвышении, располагались многочисленные столики, за которыми можно было выпить и отдохнуть, в центре же находилась площадка-прямоугольник для тех, кто предпочитал наблюдать за происходящим на сцене с близкого расстояния.

Сейчас на площадке было многолюдно. Напитки лились рекой, шум и гам не утихал ни на мину-

ту – кто-то смотрел на выступающих, восхищаясь ярким танцевальным шоу из моря красок, кто-то, перекрикивая музыку, общался между собой.

Покручивая в пальцах тонкую ножку бокала, я рассеянно обводила взглядом зал – от танцоров на сцене уже рябило в глазах.

«Может, где-то здесь есть и Энди?»

Мои глаза скользили по мужским и женским лицам – молодым, старым, обильно накрашенным и без грамма косметики, возбужденным и чаще всего улыбающимся; изучив тех, кто находился рядом, я отклонилась и выглянула из-за колонны.

Даже позвонить ему сейчас не получится – слишком шумно. А уходить во время представления не хотелось.

Неожиданно основной свет в зале погас, замелькали яркие лучи прожекторов. Девушки на сцене сбросили крылья и окончательно превратились в демониц – в такт барабанной дробы отстукивали по покрытию их высоченные каблуки.

«Интересно, долго еще до конца?»

Программа осталась висеть внизу, ее уменьшенной копии в виде брошюры у меня не было.

При подобном мельтешащем и постоянно мигающем освещении искать Энди стало бесполезно, но я по инерции продолжала рассматривать стоящих поодаль людей.

В какой-то момент мой взгляд наткнулся на широкую спину мужчины, одетого во все темное. Скользнув по нему глазами, я уже было начала отворачиваться, но затем снова зацепилась за фигуру незнакомца взглядом – что-то в ней казалось мне неуловимо знакомым. Что именно? Я не знала. Высокий рост, короткий ежик волос на затылке, мощная шея...

Продолжая изучать стоящего в отдалении человека, я зачем-то шептала: «Ну повернись же, хоть на секунду».

Между нами, закрывая обзор, сновали люди.

«Идите, идите, проходите...»

Зачем я так напрягаюсь? Затем, чтобы вновь выдохнуть «не он» и отправиться за очередным бокалом шампанского? Ерунда. Очередная надежда на совпадение, которого не будет.

Но чтобы окончательно убедиться, что его не будет, стоило дожидаться, пока на лицо незнакомца упадет луч прожектора.

И он упал. Почти.

Мужчина на секунду обернулся, но точно перед вспышкой света отклонился за другую, стоящую следом за моей, колонну.

– Тьфу ты! – сорвалось с моих губ довольно громко.

Стоящий рядом незнакомый парень в джинсовой куртке, услышав это, спросил, не принести ли мне шампанского, и я рассеянно кивнула.

Я же, упертая в своем намерении разрушить очередную ложную надежду на совпадение, вытягивала шею, как жираф, и то и дело приподнималась на цыпочки; при вспышке света обзор в очередной раз загородила высокая и, в общем, красивая дама, если бы я в своем негодовании была способна разглядеть это.

– Да чего ж мне так не везет-то!

Кто-то вложил мне в пальцы прохладный бокал. Не поворачиваясь, я кивнула, пробубнила «спасибо» и сделала большой глоток. Вернула бокал парню в джинсовой куртке, на предложение «Может, познакомимся поближе» утешающе похлопала его по плечу и вынырнула из-за колонны.

«Все, хватит маяться – надо просто подойти и посмотреть. Ждать прожекторов можно вечно».

И я двинулась в противоположную от сцены сторону. Кого-то обошла, кого-то потеснила, кого-то (из-за отсутствия всякой реакции на слова «Разрешите пройти?») аккуратно отодвинула в сторону.

«Объект» моего интереса приближался. Когда между нами осталось всего несколько метров и ни одной хмельной фигуры на пути, одетый в черное мужчина вдруг повернулся.

И я задыхнулась, встретившись взглядом со знакомыми серо-голубыми глазами.

Пережила почти шок от смеси чувств радости, ликования, надежды и волнения.

«Судьба услышала меня, услышала».

Я узнала бы его где угодно. Это красивое лицо, столько раз преследовавшее меня в мыслях, эти широкие плечи, эти мощные руки...

Мои щеки запылали, сердце в груди забилось гулко и быстро.

Неужели после стольких мыслей о нем я была вознаграждена новой встречей? Не верилось – надо же! – до сих пор в это не верилось.

Сколько раз я искала его лицо за стеклами проезжающих мимо машин? Сколько раз надеялась, корила себя, обижалась, но каждый раз снова ждала – а вдруг?

И «вдруг» случилось. Теперь хотелось подбежать, увидеть его ближе, снова рассмотреть.

«Наконец-то я тебя нашла!»

От радости улыбка по лицу расплзлась такая, что заломило щеки, мне не терпелось приблизиться, перекинуться словом, половиной фразы.

«Мой вечер удался! Совсем-совсем удался».

Осталось лишь решить, что сказать – обычное «Привет, не ожидала тебя увидеть» или же «Здорово, что мы снова встретились?»

Однако едва я вновь двинулась в его сторону, глаза мужчины резко похолодели.

«Не подходи, – совершенно ясно читалось в них. – Даже не думай об этом».

От неожиданности я застыла на месте.

Как же так? Почему?..

А предмет моих грез смотрел на меня, прищурившись, и лицо его не выражало ровным счетом никакой радости.

Сердце пропустило удар.

Неужели я действительно вижу то, что вижу? Притворно-равнодушный и предостерегающий взгляд и абсолютное нежелание, чтобы я подходила? Оно чувствовалось сквозь расстояние, сквозь

музыку – чувствовалось в том, как он стоял, как напряженно держал в карманах руки, как хмурился исподлобья.

Все еще неспособная поверить в то, что меня совершенно не рады видеть, я приготовилась шагнуть навстречу, но одетый в черное человек лишь покачал головой – «не подходи, я предупредил».

Мои ноги приросли к полу.

Как такое возможно? Я столько времени мечтала увидеть его, а теперь, когда он рядом, не могу подойти к нему? Я была готова отдать все, что угодно, лишь бы оказаться хоть на шаг ближе.

Но он запретил мне.

Боже мой... Он запретил мне делать это. Невозможно. Такого не может быть!

С мольбой в глазах я снова посмотрела на него.

Широкоплечий мужчина в футболке и джинсах отвернулся.

Я юркнула за колонну.

Попыталась отдышаться, унять всколыхнувшееся чувство униженности, приглушить обиду, но она – обида – увы, росла. Почему так? Происходящее казалось неправильным, нереальным... несправедливым.

«Я ведь ничего плохого ему не сделала».

Откуда-то вновь появился парень в джинсовой куртке с бокалом шампанского – я видела его и протянутую руку как в полусне. Покачала головой, отказываясь, и, поджав губы, привалилась спиной к колонне. Отверженный в очередной раз парень обиженно мигнул и исчез – теперь, вероятно, навсегда.

И плевать.

На все плевать. Я бежала от мыслей о незнакомце и потому пришла сюда. И здесь же встретила его – для чего? Чтобы мне, как вшивой и тощей псине, даже не позволили приблизиться? За что?

Забывать, просто забыть, но болело сердце.

Зачем он так? Мог бы хотя бы сказать «привет», мог бы перекинуться парой ничего не значащих фраз, а после исчезнуть...

«Чтобы я еще месяц после этого страдала».

К черту! С чего я вообще прикипела к этим холодным глазам? Да мало ли сколько людей в этом городе умеют драться? И мало ли сколько из них умеют нежно любить? Наверное, много. Очень много – сотни, тысячи, миллионы! А тут он один.

Какое-то время я сидела у колонны, опустившись на корточки. Плевать, что даме в платье не пристало так сидеть, что это некрасиво и... как там еще... неприлично... Люди не замечали меня, иногда задевали бедрами и коленями, опускали глаза вниз, натыкались на перепившую, как они думали, девушку и извинялись. Я, завесившись волосами, не поднимала головы.

Ненужная и отвергнутая. Вот так, оказывается, можно себя чувствовать из-за одного не прозвучавшего слова «привет».

«Не ври себе. Из-за его взгляда».

Да, из-за его взгляда. То был не взгляд, а удар под дых – прямой, точный и крайне болезненный.

Ну и ладно.

Забуду, с мог у, пер е ж и ву.

Просто, как оказалось, зря я все это время думала о нем, зря страдала и переживала, зря искала новой встречи. Ничего, так бывает.

Больше не хотелось смотреть на сцену, не хотелось встречаться с Энди – вообще ничего не хотелось.

Нет, одного хотелось точно – уйти.

Спустя минуту я прокладывала себе дорогу сквозь толпу. На сцене уже выступал кто-то другой – демоницы исчезли, но я не смотрела в сторону танцоров. Хватит с меня на сегодня развлечений.

Гомон теперь давил, общая эйфория вызывала отвращение, музыка терзала барабанные перепонки, хотелось на воздух, в тишину и покой. От выпитого мутило.

Я – уверенная, решительная и гордая – в этот момент ненавидела себя лишь за одно – за желание обернуться.

А вдруг смотрит? Вдруг передумал?

«Ты тупая, Элли! Не просто наивная или глупая – тупая».

Уходя – уходи, не так ли? И я заставляла себя уходить – переставляла ноги, двигалась вперед, железным усилием воли удерживала себя от того, чтобы повернуть голову.

«Не смотреть. Не смотреть».

Уже посмотрела один раз.

«Гордая осанка, прямая спина, уходи с поля боя бойцом, а не размазней».

И все равно я, наверное, выглядела жалко. Это самому себе кажется – я сильный, а всем вокруг очевидно, что ты слабый, жалкий, напуганный, скулящий. Можно врать кому угодно, но себе не стоит.

Да, я жалкая. Я ударилась о стену и сползла на землю. Не все сильные, и потому я уйду.

«Лучше бы ты сидела дома и смотрела телевизор».

Да уж, лучше бы, вот только кто же знал?

Я спотыкалась о бесчисленные ступни, задевала локтями чужие руки и монотонно извинялась – простите, простите, простите.

Мне всего лишь к дверям – к вон тем высоким, ведущим прочь из этого зала дверям, а там станет легче. Ведь так?

Станет. Потому что тяжелее, чем здесь, уже нигде не будет.

Оглушительный взрыв, нарушивший и веселье, и танцы, и музыку, раздался тогда, когда до вожаемых высоких дверей осталось пройти всего метров сорок-пятьдесят – еще три колонны.

Я не успела, не прошла.

И даже не сразу поняла, что случилось. Всюду дым, визги, белесая завеса, едкий запах, взмет-

нувшаяся вдруг в воздух пыль и паника – всюду одна сплошная паника. Все резко смешалось; пронзительно взвизгнув, оборвалась музыка – ее будто придушили шнуром от колонки. Хаотично, быстро и безо всякого направления забегали люди. Кто-то прочь от стены, кто-то прочь от столиков, кто-то просто прочь.

Меня толкнули.

Все еще неспособная сообразить, что именно произошло, с заложенными от грохота ушами, я обернулась, посмотрела на сцену и... едва не упала. Ее больше не было – сцены, а все, что ею было раньше, превратилось в груды ошепков, развороченных досок и жутко торчащей в стороны арматуры. Горела колонка, истошно и муторно визжал высокой частотой микрофон, щедро разбрызганное пламя грозило вот-вот перекинуться за занавес и декорации.

Это же пожар... настоящий пожар!

Паника захлестнула и меня. Тут что-то случилось, что-то очень плохое – я помнила, был взрыв, а теперь у сцены валялись обездвиженные тела. Неужели теракт? На кого-то покушение? Почему взрыв? Всюду кровь, перекошенные от ужаса лица, давка.

А через мгновение раздался еще один взрыв.

Ударной волной неимоверной силы в зале выбило стекла, дальняя стена треснула, и я с ужасом увидела, как одна из колонн, подпирающих потолок, пошла трещинами; стоящая рядом со мной девушка пронзительно закричала – шок парализовал ее. Она не отрываясь смотрела, как от потолка начинают отваливаться огромные куски бетона. Декоративная лепнина крошилась и осыпалась, оставляя после себя зияющие дыры. Куски белого гипса один за другим срывались вниз и разбивались о пол, друг о друга, давили людей. В воздух поднимались облака густой серой пыли.

Давка достигла ужасающих масштабов. Одни бежали к выходу из зала, другие, рискуя порезаться об осколки, пытались вылезти в оконные проемы

и сигануть вниз со второго этажа. Несколько человек наваливались на закрытую дверь рядом с искореженной сценой. Повсюду лежали тела, от криков закладывало уши. Объятая ужасом толпа напоминала огромный муравейник, разворошенный ногой злобного исполина.

Затравленная и напуганная, я обернулась и посмотрела на главные двери.

Нет. Ничего не выйдет. Огромная куча сбрендивших от страха людей толкала друг друга к выходу, но из-за хаоса, вместо того чтобы проходить сквозь них, люди лишь плотнее спрессовывались, образуя плотный затор.

Я паниковала. Куда бежать? Куда?

Стараясь плотнее прижаться к колонне, чтобы не быть затоптанной, я продолжала ози- раться по сторонам.

Где выход? Куда двигаться?

От страха подкашивались ноги.

Дым разъедал глаза, заставляя их беспрерывно слезиться; потолок над головой натужно трещал.

В какой-то момент я почувствовала, как колонна, к которой я прижимаюсь, пришла в движение, но из-за творящейся вокруг суматохи поначалу не придала этому значения. Однако уже через секунду камень под моими руками начал уходить в сторону, и я в ужасе уставилась вверх. Место, где верх колонны крепился к потолку, потрескалось, в результате чего та начала крениться. Вторая колонна, находившаяся ближе к сцене, уже обрушилась.

Я впервые в жизни видела, как бетонный столб медленно, словно в кошмарном сне, складывается пополам. Сначала в центре появился широкий поперечный разлом, затем обе части колонны медленно поехали в разные стороны, выворачивая наружу куски стальной арматуры. Железные прутья, словно стебли сухой травы, сгибались от чудовищной силы, с потолка сыпалась крошка.

От ужаса я окаменела на месте. Но почувствовав, что еще секунда – и я вообще не смогу дви-

гаться, побежала. Задыхаясь от дыма, не разбирая дороги, я рванулась прочь от страшного места, которое через мгновение похоронит под собой всех оставшихся в живых. И уже почти добежала до края центральной площадки, когда услышала, как за спиной раздался оглушительный грохот.

Меня чем-то ударило по плечу. От страшной боли помутилось в глазах, окружающее пространство временно исчезло. Хватая ртом воздух и чувствуя жжение в районе шеи и левой ключицы, которое усиливалось с каждой секундой, я сделала еще два шага вперед, запнулась о лежащий на полу кусок гипса и начала падать.

В этот момент чьи-то сильные руки подхватили меня, и комната, качнувшись, взмыла перед глазами в воздух.

Он стоял и смотрел, как она уходит.

Может, стоило позволить ей подойти?

Нет. Холодная логика победила и на этот раз. Ни к чему все это. Она справится, сильная девочка. Если дать ей поблажку сейчас, она, сама того не понимая, бросит к его ногам все. Об этом красноречиво говорили ее полные счастья глаза в тот момент, когда их взгляды встретились. Тем более ни к чему продолжать знакомство, которое не принесет ей ничего, кроме боли и разочарования.

Она оказалась понятливой. Хватило одного взгляда, чтобы остановить ее на месте. Умница.

Несмотря на это, мужчина чувствовал досаду.

Слишком сильным оказалось воздействие ее полных мольбы глаз. Для того чтобы повернуться к ней спиной, ему потребовалось некоторое усилие. А это уже никуда не годится.

Продолжая наблюдать за тем, как золотистое платье исчезает в толпе, он нехотя отметил, какой растерянной и ранимой выглядела она. Хрупкие плечи, поникшая голова...

В какой-то момент он едва не пустился следом. Сейчас же догнать, остановить, вернуть...

Мысленно выругавшись и скрутив это лишнее логики желание узлом, он засунул его в самый дальний угол сознания, поместил под железный засов – пусть умрет там же, где родилось. С каких пор его голова позволяет подобным мыслям выплывать на поверхность?

Стакан в руке треснул – настолько сильно он сдавил его, даже не заметив этого. Кровь, перемешанная с бренди, закапала с пальцев на гладкий пол.

Мужчина посмотрел на ладонь, его челюсти плотно сжались.

Страхнув с руки острые осколки, он развернулся и зашагал в уборную, чтобы смыть кровь.

Взрыв произошел в тот момент, когда он начал подниматься по ступенькам к столикам. В отличие от остальных, он мгновенно понял, что происходит, и резко обернулся, чтобы оценить ситуацию.

Откинув из сознания лишние детали – крики, панику и беспорядочное движение, мужчина пришел к единственному выводу – взрыв в районе сцены. Несколько человек погибло, многие ранены.

Его глаза моментально нашли три выхода из помещения. Главные двери, к которым рвануло большинство, он отсекал сразу. Окна находились в непосредственной близости от эпицентра взрыва. Существовала вероятность, что там рванет еще раз. Мозг с огромной скоростью рассчитывал наиболее безопасные траектории движения по залу, на ходу отмечая треснувший потолок и лежащие на полу обломки.

Мужчина решил двигаться вдоль правой стены. За барной стойкой располагалась дверь, которую он заметил еще в начале вечера. Она осталась единственным безопасным выходом.

Но стоило сделать первый шаг, как раздался очередной взрыв, заставивший пересмотреть ситуацию.

Глаза заскользили по залу, на ходу отмечая новые детали. В голове быстро менялся план действий: вдоль стены передвигаться опасно, одна из колонн покрылась трещинами, что неминуемо приведет к ее падению не далее как через три-пять секунд – недостаточно, чтобы проскочить.

Взгляд переместился на потолок. Местами тот уже обрушился, еще несколько плит опасно свисали, угрожая в любую секунду сорваться вниз.

«Там меня похоронит заживо» – спокойно подумал он, продолжая двигаться по направлению к бару, до которого оставалось не более десяти метров. В этот момент с диким грохотом рухнула левая колонна, превратившись в бесформенную груду обломков и пыли; кто-то закричал. Люди врассыпную рванули от опасного места, крича, наталкиваясь друг на друга, падая.

«Вторая тоже не сможет долго выдерживать вес потолка» – автоматически отметил привыкший к действиям в экстремальных ситуациях разум. Колонна уже начала опасно крениться в сторону. Чтобы оценить радиус повреждения бетонными блоками, мужчина резко перевел взгляд ниже и... замер на месте.

У подножия складывающейся пополам колонны стояла девушка в золотистом платье – растерянное лицо искажено страхом, руки отчаянно цепляются за холодный камень. Едва увернувшись от бегущих прямо на нее людей, она лишь плотнее прижалась к столбу, ища спасения в ветхом укрытии.

Не думая о том, что делает, человек в черном резко развернулся на месте. Логика отключилась, разумные доводы перестали существовать.

«Черт»! – он резко бросился вперед.

Перескочить через лежащие на полу стулья и битое стекло, перемахнуть через высокий барьер, отделявший ресторанный часть от площадки, а там преодолеть оставшиеся метры.

Время будто замедлило ход.

Несмотря на стремительную скорость, он чувствовал, что не успевает. Перед глазами мелькали чьи-то лица, руки автоматически отталкивали препятствия, мощные ноги все быстрее и быстрее несли вперед. Сердце тяжелыми ударами прогоняло кровь по тренированному телу, мышцы сокращались и разжимались, заставляя и без того огромную скорость увеличиваться каждую секунду; горячий воздух шумно вырывался из легких.

Когда в середине колонны образовалась трещина, заставившая верх и низ конструкции прийти в движение, девушка очнулась от шока, задрала голову и резко побледнела. Будто впервые обнаружив, что у нее есть ноги, она неуверенно подалась назад, но было слишком поздно – с потолка начали срываться куски бетона.

Блондинка в платье рванула прочь. Благодаря петлянию от нескольких кусков ей удалось увернуться, но уже следующий камень, молниеносно сорвавшись сверху, ударил ее по плечу, заставив неуклюже наклониться в сторону. Пробежав еще несколько метров, она начала медленно оседать на пол.

Мужчина зарычал.

Одним прыжком преодолев оставшееся расстояние, он подхватил ее на руки и, перемахнув через обломки, повернул прочь от колонны. Не обращая внимания на раздававшийся за спиной грохот, мужчина продолжал бежать вперед, прижимая к себе обмякшее, похожее на кукольное тело.

Пробившись сквозь паникующих, он обогнул барную стойку, распахнул дверь в служебное помещение и аккуратно, стараясь не ударить голову девушки, вынес ее наружу.

Черная машина, словно тень, на огромной скорости неслась по пустынному шоссе; водитель внимательно следил за дорогой. Нахмуренные брови выдавали кипевшую в нем ярость, рука нащупала в кармане телефон.

– Начальник одиннадцатой группы слушает, – после пары гудков отозвался в трубке мужской голос.

– Джек, это я.

– Что-то случилось? Ты обычно не звонишь просто так.

– Случилось. – Мужчина за рулем посмотрел в зеркало заднего вида. – Пятнадцать минут назад здание «Сэнди-Паласа» было взорвано.

– Ни хрена себе! А ты узнал об этом до новостей? Как?

– Я там был.

В трубке на несколько секунд повисла тишина.

– Ты не пострадал?

– Нет, но жертв много. Внутри остались десятки раненых, все три этажа разрушены.

– Каким будет задание?

– Узнай, кто это сделал. Мне нужны имена всех причастных к этому людей. К утру.

Собеседник недовольно крякнул, но перечить не стал.

– Как скажешь. Все данные пришлю по почте.

– Жду.

Человек за рулем отключил телефон и спрятал его в карман. Бросил быстрый взгляд на дорогу, повернулся и посмотрел на заднее сиденье, где лежала спасенная.

В сознание она не приходила. Плохо, нужно срочно определить повреждения. Дыхание ее оставалось ровным, но лоб блестел от выступившей влаги, бледные губы шевелились.

В бунгало на берегу ее вести нельзя, там нет необходимых медикаментов. Хотя его внутренней силы, скорее всего, хватило бы, чтобы излечить ее полностью, мужчина предпочел не рисковать – придется наведаться в дом. Если сломана ключица, срастить кости руками не удастся – нужны стальные шунты, а они есть только в квартире.

Что ж, если того требуют обстоятельства, пусть будет так. Как только она придет в сознание, он даст ей знать, что не любит гостей, и на том все кончится.

Если объяснения не помогут, всегда есть еще один выход – стереть память, но до этого дойдет навряд ли.

Через несколько минут автомобиль бесшумно свернул к огражденному высоким забором особняку.

Глава 3

Он уложил ее на узкий диван в кабинете и подошел к шкафу возле стены. Набрал несколько цифр на вмонтированном в переднюю панель пульте и, дождавшись, пока на экране высветится надпись «Доступ разрешен», открыл дверцу. Внутри мягко зажглось автоматическое освещение.

Достал с полки инструменты, положил их в нижний отсек и включил ультрафиолет. Возможно, они не понадобятся, но лучше быть готовым ко всему.

Пока проходила стерилизация, мужчина щелкнул выключателем, и в комнате стало ярче, загорелось дополнительное освещение.

Цифровое табло показывало, что инструменты будут готовы к использованию через сорок пять секунд – как раз хватит времени, чтобы вымыть руки и избавиться от пыльной одежды.

Сбросив с себя черную майку, хозяин дома быстрым шагом проследовал по коридору до ванной комнаты. Дверь захлопнулась, зашумела вода.

Когда он вернулся в кабинет, девушка осторожно пошевелилась, застонала и приоткрыла глаза.

– Не двигайся, – коротко бросили ей.

Мужчина, продолжая растирать полотенцем руки и плечи, подошел к шкафу и выключил замерший на цифре «0» счетчик. Затем бросил полотенце на стул, достал с полки нужную мазь, вернулся к дивану.

Присев на край, он повернул голову пострадавшей набок и осторожно прошелся пальцами по шее. Слегка надавив на кожу, заметил, как гостья морщится от боли и часто моргает.

– Слишком яркий... свет.

– Терпи, он мне нужен.

Мужские руки быстрым движением разорвали горловину платья, ткань с треском разошлась в стороны. Оторванный лоскут обнажил поврежденное плечо.

Взгляду открылся темно-бордовый кровоподтек, расплывшийся по руке и шее. В одном месте кожа опухла сильнее всего – именно сюда ударил острый край камня. Осторожно ощупывая сантиметр за сантиметром, мужчина нахмурился и произнес:

– Сейчас расслабься. Полностью.

Он дождался, пока его приказ выполнили, после чего положил ладонь на поврежденное место, прикрыл веки и замер.

В мозгу мгновенно возникла картина строения плеча, ладонь потеплела. Под опущенными веками серо-голубые глаза пристально вглядывались в несуществующую точку – в схему участка повреждений.

Неторопливый ментальный скан быстро и точно выявил детали: ткани над ключицей сильно задеты ударом, трапеция надорвана, связки и сухожилия шеи целы. Ладонь прижалась плотнее: кость в порядке, трещин нет.

Это именно то, что он хотел знать.

Так, осмотр закончен, и в наличии имеется вся нужная информация.

Оказывается, для восстановления ей понадобится даже меньше, чем он предполагал, – дев-

чонке, как ни странно, повезло. Пусть хорошо спит, ест, утром и вечером втирает «феронин», а там все рассосется. Несколько дней, и она будет полностью здорова.

Оставив пациентку отдыхать, мужчина вышел из комнаты.

Я проснулась от ноющей боли в шее.

Какое-то время пыталась снова погрузиться в сон, но безуспешно – остатки его растворились, в голову одна за другой вползали обрывочные мысли.

Я смутно помнила, как прогремел взрыв. Затем все смешалось в поток сменяющих друг друга изображений: люди, крики, паника, обваливающийся потолок, колонна, человек в черном...

В какой-то момент все разом встало на свои места – ну конечно! Я должна была погибнуть под останками колонны, но некто – тот же самый субъект, который доставил меня сюда, – успел выторговать меня у смерти. Я отчетливо запомнила, как мое лицо прижималось к темной майке, источающей знакомый аромат.

Значит, это правда – он спас меня.

Не верилось. Перед глазами до сих пор стояло его лицо – холодный и предупреждающий взгляд «не подходи».

Если он не желал общения со мной, зачем тогда вернулся?

Зачем рисковал, для чего, с какой целью?

Что-то заставило его передумать – это очевидно, вот только что?

«Не вздумай начать вновь надеяться попусту».

Не буду, не буду, теперь и не до того. Но, наверное, сердце у моего знакомого все-таки существовало, и именно оно не позволило бросить в беде даму, с которой ранее состоялся близкий контакт.

Ну и формулировка. Фу.

То ли от боли, то ли нерадушных мыслей, испортилось настроение. Сна ни в одном глазу, шею ломит, лежать на чужой кровати не хочется – наверное, правильное всего отыскать хозяина дома, поблагодарить его и отправиться отсюда прочь.

«А ведь привез к себе домой, хотя раньше не хотел его показывать».

Да, ситуации вынуждают на многое, вот только легче от этого не становилось. Меня сюда не приглашали, и значит, нужно убираться.

В кабинете, кроме меня, никого не оказалось. Придерживая здоровой рукой оборванный лоскут некогда красивого золотистого платья, я поднялась с постели. Кружилась голова, подташнивало. Ничего, терпимо, главное – добраться до выхода.

Меня, насколько я помнила сквозь странную поверхностную и полную боли дрему, осматривали. А если осмотрели и покинули, значит, ничего страшного не обнаружили – и хорошо, жить буду.

Справа от двери обнаружился странного вида шкаф с еще более загадочным цифровым табло, высвечивающим символы «Alm0,+2», рядом мигала стрелка «вниз». Что это – обозначение понижения температуры? Неизвестный мне химический состав?

«Неважно, Элли, не задерживайся».

Интересно, сколько времени я здесь нахожусь? Час, два, больше? И что случилось с теми, кто остался внутри «Сэнди-Паласа», – спасли ли их? Беспокойство лишь ухудшало мое и без того нехорошее самочувствие, поэтому мысли о возможных жертвах взрыва пришлось временно оставить.

Я выскользнула за дверь. Коридор, лестница вниз, новые двери... И где искать хозяина? Особняк, судя по всему, большой, комнат много – куда идти? Ближайшее окно не раскрыло множество секретов, за ним было темно и виднелся кусочек сада. А еще покатая крыша, забор вдалеке и стелющаяся за

ним дорога – негусто. Окна справа не горели, значит, в том направлении двигаться не стоило.

В конце коридора обнаружилась гостиная, за ней еще одна, следом коридор и две спальни, обе пустые. Чувствуя себя заплутавшим в лабиринте карликом, я методично, одну за другой, открывала двери в комнаты.

«Сколько же их здесь – десять, двадцать?»

На втором этаже ни одной живой души не обнаружилось. Постояв у лестницы, я решила подняться на третий.

Прежде чем достигнуть места назначения, мне пришлось открыть и закрыть двери в темную библиотеку, бильярдную и еще одну спальню, а там – с лава Создателю – обнаружилась и очередная гостиная. Та самая гостиная, нужная мне, с выходящими на широкий балкон стеклянными дверями.

На балконе стоял человек.

Без рубашки. Мощная обнаженная спина демонстрировала бугристые мускулы, широкие плечи чуть ссутулены – он упирался в перила, наблюдая за темной улицей.

Смущаясь, что нарушила чужое уединение, я подошла к дверям и ступила на теплый пол балкона.

Молча встала за спиной, какое-то время разглядывала освещенный лунным светом силуэт.

– Выспалась? – спросили меня, не оборачиваясь.

– Да. Спасибо.

Мужчина неторопливо повернулся, уперся поясницей в ограждение, положил локти на перила, в его руках блеснул стакан с коньяком. Меня какое-то время просто разглядывали – без радости и без недовольства, без каких-либо очевидных эмоций, однако пристальный взгляд давил и нервировал. Тишина, стрекот цикад, на темном небосводе перемигивались звезды, опухшего плеча касался теплый ветерок.

– Сколько сейчас времени? – зачем-то поинтересовалась я. – Я не нашла ни одних часов.

– А мы торопимся?

Насмешливый тон удивил и смутил одновременно. И при чем здесь «мы»?

– Я просто пытаюсь понять, как долго спала.

– Около двух часов. Сейчас чуть за полночь.

– А-а-а... – неопределенно отозвалась я и снова замолчала – о чем говорить?

Взгляд напротив продолжал лениво и одновременно настойчиво изучать меня.

– Что произошло там, в «Сэнди-Паласе»?

Мужчина сделал глоток коньяка и только после этого ответил:

– Взрыв. Кто-то взорвал его.

– Но кто мог сделать это? Зачем? Ведь столько людей погибло...

– Я пока не знаю. – Он вновь помолчал и через некоторое время добавил: – Но выясню это.

«Как много слов, надо же».

То, что мой спаситель вообще отвечал на вопросы, наводило на мысль о том, что он выпил.

«Иначе бы просто молчал».

Стакан в его руке был почти пуст, но глаза мутными не выглядели, как не потеряли четкости и движения.

«Может, сегодня у нас просто «разговорное» настроение?»

Я взглядела в непроницаемое лицо и к собственному неудовольствию вновь отметила, насколько же он красив, этот мужчина. Не по-журнальному, но по-настоящему – дерзко, жестко, идеально безо всякой мягкости красив.

М-да. И теперь по странному стечению обстоятельств мне выпал шанс еще раз побыть с ним, провести вместе пару минут. Это хорошо или плохо? Во что они выльются мне впоследствии – в разбитое сердце или же легкие необременительные воспоминания?

– Тебе нужно спать, – донеслось от перил.

– Я знаю, но не хочу. Выспалась.

– Так твое плечо быстрее заживет.

– Да, я понимаю. – Спать, однако, не хотелось. – А что это за странный шкаф у тебя в комнате? Он показывает непонятные символы. Я сначала подумала, что это часы, но ошиблась.

– Долго объяснять.

«Ах да, ну конечно. Куда нам, серым и ушастым...»

– Ты ведь сам сказал, что мы не торопимся.

Интересно, сработает ли его фраза против него самого?

Фраза сработала, вот только совсем не так, как я предполагала, и я почти сразу же пожалела, что произнесла ее. Мужской взгляд скользнул по моей руке, придерживающей порванное платье, губы изогнулись в дерзкой усмешке. Я торопливо поправила оторванный лоскут, чтобы он прикрывал как можно больше.

– Не торопимся. Это правда. Тем более ты все равно не сможешь выйти отсюда, пока я не решу, что тебе пора.

Хозяин дома медленно поднял стакан и, глядя на меня, сделал очередной глоток.

«Вот это да. Неожиданно».

Я постаралась не выказать удивления, однако все равно почувствовала, как ноги приросли к полу и предательски быстро забило сердце.

«Что происходит? Наверное, он выпил больше, чем мне казалось, а не один бокал».

И по какой же причине я не смогу выйти? Заперты двери, а ключ проглочен? Или же в особняке установлена хитрая система «не выпусти врага наружу»? Но ведь я не враг... Так или иначе, узнать, что я в какой-то мере пленник, было неприятно; к удивлению примешался страх.

Стоящий у перил мужчина усмехнулся.

– Раньше ты меня не боялась.

– А я и не боюсь, – соврала я.

– Едва ли.

Я почти физически ощутила, как его взгляд медленно заскользил по моей груди – меня раздевали, не снимая платья. Дружеская атмосфера растворилась без следа, теперь я стояла перед ним, стараясь не шелохнуться, чтобы не спровоцировать на дальнейшие действия. Передо мной находился не друг, нет – передо мной стоял могучий хищник, готовый к прыжку. Казалось, что за маленьким зверьком из темноты наблюдают внимательные глаза.

Увидев, как он медленно ставит стакан на поручень балкона и делает шаг ко мне, я подавалась назад и пролепетала:

– Что ты делаешь?

– Что? Это простое движение называется «переставлять ноги». Я думал, оно тебе знакомо. – Ответ прозвучал насмешливо и мягко – меня будто успокаивали.

– Но ты «переставляешь» их, – я ткнула пальцем в его ноги, – в направлении меня!

– Да, потому что ты – предмет, который больше всего привлекает меня в этой комнате.

«Предмет...»

Черт бы его подрал, этого безымянного незнакомца.

Пятясь, я не заметила, как мы снова оказались в помещении – он приближался, я отдалялась. Глаза в глаза.

В его намерениях не возникало никаких сомнений. Он собирался сделать то, чему я не смогу противостоять – один раз не смогла. Во рту уже пересохло, по телу разливалась теплая дрожь.

– Но я... Я не могу! – попыталась бессвязно возразить я.

– Физически с тобой все в порядке, и я это знаю, – прозвучал мягкий ответ.

– Я... Я не хочу!

Темные брови приподнялись.

– Проверим?

Понимая, что мои доводы стремительно заканчиваются, а щеки начинают пылать все сильнее, я

пыталась найти хоть что-нибудь, что может заставить его остановиться. С каждой минутой окутывающая власть незнакомца довлела надо мной все сильнее.

Все было много хуже – он меня пугал.

– Но ты пьян!

Дерзкая усмешка.

– Не настолько, чтобы не суметь доставить наслаждение женщине, которую я желаю.

С очередным шагом назад я уперлась спиной в стену.

Боже, мы прошли через всю комнату, дальше отступать некуда – она закончилась.

Он замер в нескольких сантиметрах от моего лица, спокойно и лениво глядя в глаза. Еще секунда – и дотронется, а это означает, что я мгновенно потеряю волю, запыхав как факел. По телу раз за разом прокатывались волны дрожи, а щеки полыхали. Много ли нужно сделать, чтобы я окончательно потеряла разум?

К его дыханию примешивался запах спиртного, но это не отталкивало, скорее наоборот – переплетаясь с ароматом парфюма, эта смесь действовала невероятно возбуждающе.

Я попыталась использовать последний аргумент, который хоть как-то мог повлиять на ситуацию:

– Но мое плечо...

Эта фраза добавила взгляду напротив столько нежности, что я растерялась. Ну вот, опять! Он опять использует запрещенный прием – мгновенно становится настолько нежным и ласковым, что ему хочется не просто верить, хочется отдать все.

По моей коже, едва касаясь, прошли теплые пальцы.

– Я не сделаю тебе больно, девочка, – хриплый голос ласкал, словно звуки музыки. – И никому не позволю сделать этого.

«Правда? Он говорит правду?»

Эта фраза перещелкнула некий переключатель внутри моей головы, логика тут же растворилась.

– Никому?

– Никому.

Прежде чем коснуться вновь, мой мучитель долго смотрел на меня проникновенным глубоким взглядом. Доверься, убеждали его глаза, расслабься, все будет хорошо. Ощущение исходящей от мужского тела силы, жар кожи, бешено колотящееся сердце. Зачем он делает это со мной? Зачем смотрит так, будто он Воин, а я любовно перевязанная тесьмой добыча, зачем смакует свой триумф?

Его аура поражала – находясь в ее поле, хотелось подчиниться ему, хотелось верить, хотелось скулить от нежности и шептать «Возьми, возьми...».

Мои колени подгибались, смотреть глаза в глаза больше не было сил – я опустила голову.

Через секунду мой подбородок приподнялся; его губы едва ощутимо коснулись моих – и тут же закружилась голова, а остатки разума растворились. Меня целовали сначала бесконечно нежно, затем напористо, а через минуту настолько страстно, что мир сократился до существования его и меня, а также бушующего между нами пламени.

«Почему такая реакция? Откуда?»

А поцелуи все длились и длились. Хотелось сползти по стене, хотелось прижаться теснее, хотелось... продолжения. Как же я, оказывается, по нему соскучилась. Я помнила все: эти широкие плечи, мощные руки, спину, шею. Хотелось не только прижаться к стоящему напротив человеку как можно теснее, но также обрести его одобрение, защиту, поддержку, ласку.

Разум плыл.

«Укрой меня своей заботой, обними, никогда не отпускай».

Собственные мысли казались бредом.

Я гладила разгоряченную кожу, ласкала пальцами затылок, терлась о жесткую щетину. Его запах сводил меня с ума, губы подчиняли волю;

страсть, подобную которой я никогда не испытывала раньше, сводила с ума.

«Я буду страдать. Снова страдать...»

Когда от моих губ на секунду оторвались, я глубоко втянула воздух и прошептала:

– Там, в «Сэнди-Паласе», ты не хотел, чтобы я подходила...

– Не стоит об этом.

Его пальцы нежно перебирали мои волосы.

– Почему?

Я должна была спросить, не могла не спросить. Ведь я так мечтала о встрече, так желала ее, и теперь понимала почему. Всякий раз, стоило нам приблизиться друг к другу, между нами протягивалась невидимая, но очень прочная нить. А такого не бывает с первым встречным, и значит, он не первый встречный – он особенный.

Ответа все не звучало.

– Но потом ты вернулся...

– Не говори ничего.

– Ты вернулся за мной. Почему?

– Ненужный вопрос. – Он чуть сильнее сжал мой затылок; дыхание его стало тяжелым, мощная грудь вздымалась и опускалась.

Но как унять, когда это так важно?

– Что толкнуло тебя на это?

– Плохой вопрос. Я предупредил.

Но я уже не могла остановиться:

– Я стала тебе безразлична?

Мое лицо резко приподняли за подбородок, в этот момент взгляд серо-голубых глаз вновь сделался жестким:

– Вопросы здесь могу задавать только я, это понятно?

Несмотря на ровную, почти равнодушную интонацию в его голосе, мне стало не по себе; я судорожно кивнула.

– Молодец.

И он снова смягчился, чем внес в смуту моих эмоций волну облегчения. Плохо, если бы за из-

лишнюю разговорчивость он попросту оттолкнул бы вновь, плохо, если бы выставил за дверь и попросил не возвращаться. А пока такого не случилось, еще есть шанс, просто с вопросами придется подождать. Ничего, я терпеливая, я подожду, лишь бы не рубили концы.

Погладив его по щеке, я тихонько спросила:

– А у тебя есть вопросы?

Пауза. Взгляд прищуренных глаз, хитрая усмешка.

– Есть. Взять тебя прямо здесь или сначала донести до кровати?

Ближе к утру он снова вышел на балкон.

Горизонт на востоке едва заметно посветлел, окрашиваясь в розоватые оттенки. Не пройдет и часа, как рассвет окончательно прогонит тьму, смоет монотонную серость с машин и деревьев, раскрасит улицы и дома в яркие сочные цвета. Горстка облаков, словно компания подружек, по неосторожности заговорившихся до утра, все еще висела вдалеке, но скоро и они исчезнут, день будет солнечным. По крайней мере, так предсказывала метеослужба Канна.

Мужчина достал одну сигарету из пачки, которая на всякий случай всегда хранилась в нижнем ящике стола в гостиной, и, щелкнув зажигалкой, прикурил. Курил он нечасто, в последний раз около полугода назад. Оттого пачка до сих пор оставалась полной, не хватало лишь нескольких штук.

Но сегодня было иначе, сегодня отчаянно хотелось курить.

Оранжевое пламя на мгновение высветило красивое лицо и тут же погасло. Сделав одну затяжку, мужчина выпустил облако белого клубящегося дыма в предрассветный воздух, и силуэт его застыл, словно каменное изваяние, похожее не то на воина, не то на философа-мыслителя.

Было в его позе что-то от царя, глубоко задумавшегося о судьбе своего народа, – лицо спокойно, но глаза подернуты дымкой. Читались в них воля и уверенность, решимость и сила. Лишь изредка мелькало иное выражение – муки и глубокой печали, что рождало знание, доступное лишь ему одному.

Вдалеке прокричала птица.

Очнувшись от дум, мужчина поднял голову и посмотрел на дорожку, ведущую от дверей к ограде. Затем перевел взгляд на истлевшую в руке сигарету, затушил ее в пепельнице и отставил ту прочь.

Ему бы успокоиться, забыть все, вернуть себе прежнюю тишину в голове и уравновешенный образ мыслей, но не выходило. Хотелось вернуться назад, в спальню, где мирно спала та девушка, которая теперь так часто занимала его мысли. Занимала слишком часто, и это беспокоило.

Глава 4

Луч солнца ласково пригрелся на моей щеке, постепенно переползая все выше, щекотал невидимыми пальчиками веки и ресницы, будто приговаривая: «Вставай, вставай, уже совсем светло».

За окном щебетали птицы. Уличный шум просачивался сквозь приоткрытую форточку, напоминая о том, что город давно проснулся, и вокруг кипела жизнь.

Я приподняла веки и, повернув голову, тут же встретилась с серо-голубыми глазами; остатки сна мгновенно испарились. От удивления я забыла о том, что нужно дышать. Нет, меня удивило вовсе не то, что мужчина, несмотря на позднее утро, все еще лежал со мной рядом, обнимая за талию, меня удивило другое – он улыбался. И пусть то была не широкая улыбка, какая чаще всего появляется на лицах от нескрываемой радости, но и не циничная

усмешка. Просто улыбка – мягкая, ласковая, настоящая.

И я едва не лопнула от счастья – осветилась изнутри, заулыбалась в ответ, расцвела.

– Доброе утро.

– Доброе. Я ждал, когда ты проснешься.

– Да? – Я грелась теплом его глаз, словно лучами долгожданного солнца. – Наверное, я долго спала? Уже полдень?

От смущения («Я – лентяйка!») захотелось тут же приподняться, но теплые руки удержали меня.

– Не торопись. Мой повар, увидев на пороге женскую обувь, вдохновился и решил приготовить грандиозный завтрак. У нас есть еще минут десять.

– Хорошо.

Десять минут, проведенные с любым другим мужчиной, едва ценились бы мной так же, как с этим, неуловимым и неразговорчивым. А посему десять минут – это подарок, и, чтобы не тратить их попусту, я прижалась щекой к теплой обнаженной груди.

Знакомый и ставший родным запах, перебирающие мои волосы пальцы – нега.

Только бы не пропасть.

Слушая размеренные удары его сердца, я на какое-то время провалилась в плен умиротворения и покоя. Аромат теплой кожи дразнил и успокаивал одновременно, хотелось вдыхать его бесконечно. Моя бы воля – я отменила бы завтрак, обед и ужин и лежала бы в этой постели, расслабленная и счастливая, до самой ночи.

От ощущения внутренней близости, которой между нами раньше не наблюдалось, у меня начинало щемить сердце.

– Меня зовут Элли. Эллион Бланкет.

Его пальцы перестали перебирать мои волосы и замерли.

Я зажмурилась, пытаюсь понять, насколько сглупила, начиная этот разговор. Ведь представляясь первой, я толкала его на ответный шаг, которо-

го могло и не последовать. А добавлять «Можешь не отвечать, я не обижусь» было еще глупее. Мысленно упрекнув себя за вырвавшиеся слова, я непроизвольно вспомнила его фразу, сказанную мне в доме на берегу океана: «Ты подвержена следовать необдуманным решениям. Это плохо».

Точно, подвержена. Я всегда хочу слишком многого и всего сразу.

Лежа в тишине, я окончательно смутилась и сжалась в комочек. И хотя пальцы его через какое-то время принялись поглаживать мою голову вновь, мне хотелось встать с постели и скрыться где-нибудь в ванной, чтобы привести эмоции в порядок.

Спустя несколько секунд я услышала его голос:

– Мое имя Рен. Рен Декстер.

От изумления мои глаза широко распахнулись, а тело застыло. Мгновением позже я едва не задохнулась от нахлынувших эмоций и, резко подняв голову, посмотрела ему в глаза.

– Рен... – прошептала я.

Он сказал мне свое имя! Сказал!

Мне показалось, что его лицо напряжено, а взгляд серо-голубых глаз был необычайно серьезен.

Вместо слов он медленно провел пальцем по моим губам.
– Довольна? Тогда пойдем завтракать.

Спустившись в столовую на первом этаже, мы подошли к длинному столу, который, если не считать белоснежной скатерти, был совершенно пуст.

Рен нахмурился и обернулся, собираясь что-то сказать, но в этот момент с лужайки, что располагалась сразу за высокими стеклянными дверями, долетел незнакомый бодрый голос:

– Прошу пожаловать сюда!

Обладатель голоса – повар – появился через секунду: он оказался полноватым мужчиной с приятным круглым лицом, густыми вьющимися волосами и черными усами, кончики которых загибались вверх; лицо его светилось от удовольствия.

– Рен, я взял на себя смелость накрыть завтрак в саду, вы не возражаете? Такое солнечное утро!

– Нет, я не возражаю, Антонио. Спасибо, что позаботился об этом.

– Ну что вы, это такое удовольствие – радовать вас и вашу очаровательную гостью.

Антонио перевел на меня черные веселые глаза-бусины и поклонился. Мой вид его, судя по всему, ничуть не смутил. Ввиду того, что мое вечернее платье сильно пострадало, одевать его не имело никакого смысла – ходить в таком все равно что ходить голой, – и потому мне пришлось позаимствовать у Рена безразмерную футболку и огромные шорты, которые держались на мне исключительно благодаря тесемке.

На повара, как ни странно, мой образ в хозяйской одежде произвел положительное впечатление:

– Вы великолепны! – И он теплыми руками потряс мои ладони. – Я очень рад вас видеть! У нас так давно никто не бывал в гостях! Почему вы так редко приводите гостей, Рен?

– Антонио! – предостерегающе произнес тот.

– Простите, гайль!

Виранское слово «гайль» означало «мастер, господин», и до меня наконец дошло, почему в речи повара прослеживался слабый акцент, придающий необычно певучий оттенок его звучному баритону.

«Надо же, настоящий виранец!»

Я восхищенно осматривала стоящего передо мной человека. Виран находился в нескольких тысячах километров от Канна и жители его, как правило, не спешили покидать родные места. Веселые трудолюбивые люди, они свято чтили старинные обычаи и традиции, предпочитая жить на родине, поэтому увидеть их в столь отдаленном месте, как Канн, почти не представлялось возможным. Но мне, судя по всему, выпала редкая удача.

– Я же вас задерживаю! Проходите, пожалуйста, в сад, располагайтесь. Я сейчас принесу горячее.

С этими словами повар поспешил вглубь помещения, а мы вышли через стеклянные двери на лужайку. Здесь среди буйно растущей травы и цветов уже стоял удобный стол и два стула, из-за отсутствия спинок напоминавшие табуретки; на сиденье каждого из них лежала плоская цветастая подушка.

Шум в этот цветущий рай почти не доносился: высокие деревья, растущие вдоль ограды, отгораживали лужайку от дороги, превращая ее в уютную гостиную на открытом воздухе.

На столе уже были расставлены тарелки, рядом с которыми Антонио изящно расположил приборы, салфетки, корзинку с хлебом и высокие стаканы для сока. От обилия всевозможных джемов и варений рябило в глазах. Здесь же на высокой подставке лежала свежая выпечка: багеты, ватрушки, вафли, печенье. В круглых тарелочках ютились сырники и пудинг. На плоском блюде по соседству я насчитала несколько сортов сыра и колбасы. Когда мой взгляд обна-

ружил среди всего прочего еще сливочное масло, фруктовый салат и стаканчик с йогуртом, я в изумлении посмотрела на Рена.

– Я тебя предупреждал.

– Я правильно поняла, что это еще не все?

– Да, Антонио ушел на кухню за основным блюдом. Не переживай, он просто хочет произвести на тебя впечатление – в моем доме редко появляются гости.

Я продолжала зачарованно смотреть на ломившийся от обилия еды стол.

– Наверное, уже никто не сможет впечатлить меня сильнее, чем он.

– Я, признаться, сам не ожидал такого многообразия. Располагайся.

Я выбрала ближайшую ко мне табуретку и опустилась на мягкую подушку, оказавшуюся удобной несмотря на отсутствие спинки.

Рен расположился напротив и, глядя поверх моего плеча, произнес:

– А вот и Антонио.

Я обернулась.

Из дверей действительно выходил насвистывающий повар, в руках он держал невероятного размера фарфоровые блюда, накрытые сверху серебряным колпаком.

– Там тоже еда?

– Не сомневайся.

Пухлощекий брюнет в белом халате подплыл к столу и радостно провозгласил:

– Я приготовил вам омлет с беконом, овощами и сыром. А еще скоро придут блинчики.

На выбор: лесная ягода, творог или ваниль с шоколадом – какие предпочитаете?

На меня вопросительно взглянули. Это он серьезно?

От изумления я лишилась дара речи. Вместо того чтобы ответить, я беспомощно посмотрела на хозяина дома.

Тот рассмеялся и, обращаясь к Антонио, произнес:

– Неси все, что есть. Мы выберем на месте.

– Вот! Единственно верный ответ, гайль, и вы всегда его находите!

За завтраком Рен рассказал мне, что перекупил Антонио у одного из крупнейших ресторанов «Сан-Лантамо», где тот проработал почти два года и где заслуги его, как ни странно, были высоко оценены как директором, так и посетителями. Рен часто заезжал в «Сан-Лантамо», чтобы насладиться изысканными блюдами виранской кухни, и в одно из посещений попросил администратора представить ему кулинарного гения, чтобы лично выразить тому свое почтение.

Был поздний вечер, и до закрытия ресторана оставалось не более получаса, когда усатый и чуть

усталый толстяк с вьющимися волосами присел за столик.

– Антонио Гарди. Шеф-повар «Сан-Лантамо». Вы желали видеть меня?

Декстер пожал протянутую поваром пухлую ладонь и заказал бутылку вина. Завязался разговор.

Антонио оказался общительным человеком и с удовольствием рассказывал о своих увлечениях. Несмотря на акцент, говорил он складно и весело, постоянно подшучивал над собой и окружающими, хитро поблескивал черными глазами и заразительно смеялся на весь зал.

Полчаса пролетели незаметно.

Чтобы не прерывать приятную беседу, Рен пригласил Антонио в гости, на что тот с радостью согласился. В домашней, располагающей к беседе обстановке, попивая «Шадри», они проговорили почти до самого утра. За это время Рен узнал о поваре многое, в том числе и то, что тот недоволен запретом ресторана на приготовление не входящих в меню блюд.

Творческая энергия и безграничная фантазия виранца требовала постоянно искать что-то новое, пробовать, изучать, толкала на бесконечные эксперименты. Начались частые столкновения с начальством, которые оканчивались выговорами и штрафами, но, несмотря на это, Антонио продолжал чувствовать жгучую потребность бесконечно творить.

Когда под утро усталый и пьяный гость признался, что всегда мечтал о большей свободе, но из-за боязни остаться без средств к существованию уходить с теплого места не спешил, Рен тут же предложил ему работу. На дому, в особняке – в полной свободе и независимости, с увеличенным вдвое окладом. И пока ошарашенный повар молчал, тут же поинтересовался, какую современную технику и посуду тот желал бы приобрести, чтобы завтра же приступить к экспериментам?

Неспособный поверить в удачу Антонио дважды переспросил:

– Вы действительно предлагаете работу? И купить любую технику? Правда работу?

– Конечно, – заверил его довольный Рен и навсегда запомнил, какую искреннюю радость ощутил, когда долго молчавший и польщенный повар наконец согласился.

Все то время, пока Рен говорил о виранце, на его губах играла улыбка, черты лица смягчились, взгляд потеплел от воспоминаний. Я зачарованно любовалась этим новым для меня Реном, прислушивалась к спокойному низкому голосу и наслаждалась исключительно умело приготовленной едой – омлетом, а после блинчиками.

По ходу рассказа чувство восхищения внутри меня росло – как легко и просто сидящий напротив меня человек нашел верный подход к виранцу, предложив то, о чем тот больше всего мечтал. Он играючи воплотил мечты Антонио в жизнь, заслужив тем самым бесконечное доверие и преданность повара.

Завершив рассказ, а заодно и завтрак, Рен поставил стакан с гранатовым соком на стол и посмотрел на часы:

– Через час я должен быть на встрече. Я отвезу тебя домой.

– Конечно. Спасибо за прекрасный завтрак. Без прикрас лучший в моей жизни. – Я улыбнулась и поднялась со стула. – Антонио навечно покорило мое сердце, передай ему, пожалуйста, от меня самые наилучшие пожелания.

– Обязательно. Пойдем? – Рен тоже поднялся.

Ступая по мягкой зеленой траве, мы вернулись на тропинку, ведущую к дому, и вошли в прохладный холл гостиной.

Уже в кабинете Рен подошел к шкафу, отыскал тюбик с мазью и протянул его мне.

– Используй ее перед сном в течение трех или четырех дней, больше не нужно.

– Хорошо, спасибо.

Пока я крутила в руках мазь, телефон в его кармане зазвонил. Прежде чем ответить, Рен бросил взгляд на номер звонившего и нахмурился.

– Да, Джек.

Человек на том конце что-то произнес.

– Хорошо, я посмотрю все данные через час. Спасибо, что сделал это. Если мне понадобится что-то еще, я перезвоню.

Рен положил трубку и посмотрел на меня. Взгляд его снова стал серьезным, а лицо непроницаемым.

– Нам нужно поторопиться.

– Конечно.

Оттого, что я снова вижу перед собой прежнего непрístupного Рена, беззаботное и счастливое настроение тихонько и безвозвратно испарилось. Уходить отчаянно не хотелось, но я понимала, что выбора у меня нет. А ведь мы так хорошо провели это утро! Я впервые увидела

его лицо смеющимся и наконец узнала его имя – сделала первый шаг через невидимую линию и почувствовала протянутую навстречу руку. Пусть ненадолго.

Мятое вечернее платье висело на стуле, я поддела его пальцем и вздохнула:

– Можно мне поехать в твоей одежде? Я верну потом...

– Конечно. Можешь не возвращать.

От этих слов кольнуло сердце. Стараясь не выказать эмоций, я отвернулась.

Рен проверил автоответчик и взял со стола ключи от машины.

– Готова?

– Да.

Мы вышли в коридор.

Почти всю обратную дорогу Рен молчал.

Тишина тяготила меня, поэтому я время от времени делала осторожные попытки завязать разговор, но собеседник отгородился невидимой стеной и ушел в свои мысли. Когда до моего дома осталось несколько минут езды, а желание нарушить молчание стало непреодолимым, я выбрала наиболее безопасную тему и осторожно спросила:

– А Антонио до сих пор экспериментирует с блюдами?

– Да. – Взгляд водителя не отрывался от дороги. – Он постоянно участвует в различных конкурсах и почти всегда выигрывает. Ему часто предлагают работу одну лучше другой, но он отказывается. Я рад.

– Я тоже, – зачем-то согласилась я, и в кабине снова повисла тишина.

Мы притормозили на светофоре. Пробегая взглядом по автомобилям, стоящим по соседству, я вдруг увидела один, на который тут же, не сдержав радости, указала Рену:

– Смотри!

Он повернул голову и проследил взглядом в нужном направлении.

– Что?

– Это же «Мустанг-Д'аэро»! – Я с восторгом уставилась на темно-красную приземистую машину.

– Вижу.

– Только это «G4», а я всю жизнь мечтала иметь «G6».

– Хороший выбор.

Мне показалось, что Рен отвечает автоматически, оставаясь при этом глубоко в своих мыслях. Через секунду он уже не смотрел на «Мустанг», и я со вздохом проводила взглядом красивые обтекаемые формы несбывшегося для меня автомобиля.

Мысли незаметно вернулись к последнему разговору со служащим из автосалона.

«К сожалению, корабль задерживается. Автомобили этой серии появятся не раньше, чем через две недели. И то если погода не подведет».

Я вздохнула. Придется сходить к ним через две недели, и, может быть, на этот раз мне повезет.

Когда впереди показался мой дом, я напряглась.

«Сейчас мне придется выйти из машины, и Рен снова уедет».

В голове с сумасшедшей скоростью замелькали мысли – как мне спросить, увидимся ли мы вновь? Как не выглядеть при этой навязчивой и жалкой? Ведь если не останется ни одной связующей нас ниточки, мое настроение вновь испортится и на этот раз сползет не до мрачного, а до настоящей хандры. «Думай, думай, думай...» – твердила я себе, пока авто Рена маневрировало во дворе.

Но голова, как назло, оставалась совершенно пустой – навалившийся страх мешал связно мыслить.

Мы остановились. Рен заглушил двигатель и повернулся ко мне. Застыв от напряжения, я продолжила буравить взглядом лобовое стекло.

– Элли...

– У-м?

– Посмотри на меня.

Я нехотя повернулась.

– Ты решила задушить свою сумку?

– Что?

Я опустила взгляд на руки – действительно, мои пальцы сжимали мягкую кожу так сильно, что та превратилась в гармошку.

– Я просто... – Неспособная продолжить, я растерянно смотрела на Рена и пыталась подыскать правильные слова. – Я хотела тебя спросить...

Темные брови приподнялись.

– Спрашивай.

– Мы... еще увидимся?

Задавая этот вопрос, я снова «задушила» сумочку.

Водитель сначала перевел взгляд на мои побелевшие от напряжения пальцы, затем посмотрел в глаза.

«Я жалкая, жалкая».

Молчание длилось так долго, что я перестала различать окружающие меня предметы – выйди я в таком состоянии на улицу, и тут же врезалась бы в столб. Голова звенела от пустоты, и только единственная мысль, словно заведенная пластинка, продолжала кружить и кружить без остановки.

«Не откажи. Пожалуйста, не откажи».

Прежде чем в салоне снова раздался голос, прошла целая вечность.

– Да. Завтра. Я заеду за тобой вечером.

Мир тут же расцвел яркими красками, а от накопившего облегчения сердце пустилось в легкий и веселый галоп.

– Завтра? Вечером?

– Да. В восемь.

– Хорошо, я буду ждать.

«Очень-очень ждать!»

Чтобы не спугнуть улыбнувшуюся мне удачу, я не вышла – вывалилась из машины, сбегала из нее. Почти локаясь от счастья, взбежала по ступеням крыльца и обернулась, чтобы проводить взглядом отъезжающий черный автомобиль.

«Спасибо, спасибо, спасибо, – благодарила я мысленно неизвестно кого. – Я буду самой лучшей, самой прекрасной. И я смогу сделать тебя счастливым».

Это сказала я? Точно сказала я? Если так, то все плохо – похоже, я втрескалась окончательно.

Войдя в квартиру, я бросила многострадальную сумочку на трюмо, прошла в просторную светлую комнату, где на столике возле дивана стоял телефон, подняла трубку и принялась пикать кнопками.

«Нужно срочно узнать, что случилось с Энди. Выжил ли?»

Про «не выжил» думать не просто не хотелось, от этого словосочетания меня пробирал озноб.

«Все хорошо, он выжил, обязательно выжил...»

Чтобы подкрепить надежду доказательством, мне требовалось услышать его голос.

В трубке тем временем прошел первый гудок, затем еще один. После четвертого Энди ответил, но голос его звучал слабо и безжизненно:

– Алло...

– Энди! Это я, Элли! Где ты сейчас? Ты был вчера в «Сэнди-Паласе»?

– Привет, Элли! – знакомый голос немного оживился, но все равно остался тихим. – Я был там, да. Как ты, милая, с тобой ничего не случилось? Какой бред вообще, как такое могло произойти?

– Я не знаю, Энди. Где ты сейчас?

– Я в больнице. Врачи говорят – ничего серьезного, что я просто вывихнул ногу и скоро поправлюсь, но остальные...

Он всхлипнул.

– Послушай, я знаю... И это не твоя вина.

– Не моя? Я сам позвал тебя туда, сам!

Сам, да. Но ведь он не знал.

– Не кори себя, слышишь? Нельзя. Здесь... никто из нас не виноват.

Но он корил. И продолжал корить еще целых десять минут, пока мы разговаривали, – не слышал утешений, не имел сил избавиться от чувства вины, переживал.

После разговора я долго сидела на краю дивана, смотрела в пустоту и, перебирая воспоминания, слушала тишину. Взрыв, гарь, едкая вонь, крики... Если бы не Рен, я была бы сейчас мертва.

«Как быстро забылось об этом, да? Утро, солнце, прекрасный завтрак – и все забылось».

А ведь так и было бы – я была бы мертва, и глупо тешить себя иллюзиями.

«Почему он вернулся за мной? Почему спас?»

Ведь однозначно не потому, что повелся на мою симпатичную мордашку, не потому, что решил, что я могу оказаться для него полезной.

«Мало ли сколько таких «полезных» перебивало в его постели?»

Противная мысль, горькая.

Поведение человека по имени Рен Декстер продолжало оставаться для меня загадкой. В начале вечера он был непреклонно холоден со мной, затем решился на геройский поступок – вынес меня раненую из давки, лечил, позволил выспаться, затем любил, кормил завтраком, а после завтрака замкнулся вновь.

Но согласился встретиться.

И это у блондинок сложная логика?

Вопросы, вопросы, вопросы... и ни одного ответа. Я вздохнула. Наверное, когда-нибудь все прояснится и станет очевидным – логика, поступки мысли. Но не теперь.

Ладно, придется потерпеть. Я поднялась с дивана и прошлепала в ванную. Нужно смыть с себя пот и грязь, а заодно и выстирать чужую одежду. Когда говорят «Можешь не отдавать», можно, конечно, не отдавать, но честнее все-таки чужие вещи вернуть владельцу.

Дверной звонок раздался через пару часов.

Все еще закутанная в банный халат, в котором задремала после ванной, я быстро подскочила с дивана и направилась к двери.

На пороге стоял одетый в клетчатую рубаху и темные джинсы незнакомый мужчина. В руках он держал несколько больших завернутых в плотную белую бумагу коробок.

– Эллион Бланкет?

– Да, – ответила я, рассматривая незнакомца.

– Отдел доставки магазина «Жорж Авиталь». Можно мне войти?

– Входите.

Удивленная, я зачем-то отступила и позволила ему пройти.

«"Жорж Авиталь"? Не припомню, чтобы я что-то у них заказывала».

– Молодой человек, э-э-э... Я у вас, то есть в вашем магазине ничего не заказывала... Это, должно быть, ошибка.

Мужчина невозмутимо прошел вглубь помещения, поставил коробки на тумбу справа от двери и вытащил из внутреннего кармана сложенный вдвое листок бумаги.

– У меня значится ваш адрес: «Линн-Авеню, 77, квартира 2». Это ваш адрес?

– Да. – Моя растерянность росла. – Но я действительно ничего не заказывала.

– Просто распишитесь о доставке.

Мне протянули пластиковую ручку. Какое-то время я в замешательстве смотрела на нее, затем взяла (если служба доставки ошиблась, просто верну все в магазин) и поставила на заботливо подпертом пластиковой дощечкой бланке свою подпись.

– Благодарю!

Посыльный ловко убрал листок во внутренний карман, отсалютовал и удалился.

С полминуты я заворожено смотрела на дверь, будто все ждала, что сейчас парень в клетчатой рубашке вернется, сообщит об ошибке, извинится и заберет коробки, но в коридоре стояла полная тишина – ни шума, ни шагов. Никто не вернулся, и я перевела взгляд на коробки.

«Хм, кто-то определенно что-то напутал, но внутрь посылки заглянуть стоит».

Хотя бы из любопытства.

Они оказались легкими – все три.

Перетащив «посылки» с тумбы на диван, я медленно крутила каждую в руках, силясь отыскать клочок бумаги с именем заказчика, но не нашла ничего, кроме отпечатанного на боковине логотипа магазина. Странно.

А внутри нашлась записка (как просто – нужно было лишь открыть одну из них) – и все разом встало на свои места.

В записке значилось: «Я порвал твое платье».

Рен! Черт тебя подери, когда ты успел доехать до магазина и выбрать для меня одежду? Ведь ты торопился на встречу, разве нет?

Неспособная сосредоточиться на том, что лежит внутри, я подскочила с места и заметалась по комнате.

– Вот зачем, спрашивается? Да хватает у меня платьев, зачем... Не надо было! Ты ведь мне жизнь спас...

Как будто он мог меня слышать.

Нет, мужская логика точно сложнее женской, и пусть меня не убеждают в обратном.

Три платья. Он прислал мне три новых платья взамен порванному золотистому. Щедрость? Расточительность? Глупость?

Может, и глупость, но жест красивый, не поспоришь.

– Да пусть бы ты всю мою одежду порвал, я бы не возражала...

Тяжелый вздох. Растерянность, радость, удивление и нотка грустинки.

«Пусть бы не платья, пусть бы приехал он сам».

И сама же рассмеялась собственным мыслям – нам всегда свойственно просить о большем, не так ли?

Точно, свойственно. А после первоначального вихря эмоций проснулось и любопытство – и что же он выбрал?

В коробке, где ранее обнаружилась записка, лежало неземной красоты золотисто-розовое вечернее платье. Еще не развернув его полностью, я уже знала, что это – не чета моему бывшему наряду от «Монтильи». Под пальцами водопадом струился и переливался всеми оттенками заходящего солнца гладкий шелк, воротник и пояс были отделаны мелким сверкающим бисером, по низу расклешенной юбки вился широкий мерцающий узор.

– Вот это да! – прошептала я в восхищении. – Сколько же такое может стоить?

Бирка указывала, что модель называется «Кассандра», но цена на ярлычке отсутствовала. Я покачала головой.

«И конечно же, размер окажется подходящим». – Вот уж в чем я не сомневалась, так это в глазомере

Рена, которым при нашем близком знакомстве уже дважды измерил меня не только глазами, но и всем остальным.

Спустя пару минут я заставила себя отложить «Кассандру» в сторону и открыла другие коробки. В них тоже нашлись платья – длинное темно-синее и коктейльное коньячного цвета.

– Зачем? – повторила я в пустоту комнаты, осторожно касаясь шикарных нарядов. – Не иначе как ты сам желаешь, чтобы я втрескалась по уши.

Нет, он, наверное, этого совсем не желал – просто пытался искупить вину за то самое, испорченное, вот только это уже не имело значения – к этому времени мои чувства разгорелись ярко.

Мягкая ткань коснулась щеки, я вдохнула ее совершенно новый «магазинный» запах и покачала головой.

– Рен... Рен.

Вечером, лежа в постели, я никак не могла перестать думать о завтрашней встрече. Все гадала, где она состоится, о чем пойдет разговор, как все закончится... Ведь оно не закончится насовсем? Никак не могла решить, какое из трех выбранных платьев надеть.

«Интересно, какое больше всех понравилось ему самому?»

Все три были прекрасны. Стоило надеть любое, как широкое зеркало в спальне, невзирая на мои придирки к собственной внешности, отражало не узкобедрую и довольно тощую девушку, а прекрасную королеву.

За окном было темно, часы у ночника показывали двадцать минут двенадцатого, но сон не шел.

Неугомонное сознание вместо того, чтобы успокоиться и соскользнуть в дрему, рисовало мне Рена – его глаза, нос, губы, подбородок. Интересно, каким он становится среди друзей? И есть ли они у него?

И как сильно преображала черты его лица улыбка. Слабая – полунамеком – или широкая, она превращала сурового воина в дерзкого, веселого и крайне привлекательного мальчишку. Мальчишку, в которого слишком просто было влюбиться.

«Ты это сделала и без его улыбки».

Точно.

А уж с улыбкой...

Черт бы подрал его. Как это называется, если не любовь? Думать о ком-то часами напролет, вспоминать все сказанные слова, мечтать, надеяться, тлеть изнутри, маяться, изнывать и без повода улыбаться?

Любовь. Именно так.

«Создатель, я влюбилась». И влюбилась в того, кого совсем не знаю. Кому так сложно открыться, кому сложно найти для меня лишний час, кому даже не пришло в голову спросить мой номер телефона.

Ничего, все еще изменится. Изменится, потому что есть завтра.

Глава 5

В комнате царил полумрак.

Вернувшись домой под вечер, Рен сразу же поднялся в кабинет.

Бросил на стол папку с бумагами, которую намеревался посмотреть, подошел к вмонтированному в стену бару и некоторое время рассматривал ряд стеклянных бутылок, раздумывая, что же выпить.

Выбор пал на виски. Бутылка тут же была извлечена на свет, пустой стакан наполнился янтарной жидкостью до самых краев.

Декстер расстегнул рубашку, снял с пояса оба ножа, бросил их на кровать, сел в мягкое кожаное кресло. Сегодня ему предстояло принять решение.

Решение окончательное и бесповоротное. Желательно верное решение.

Слишком отчетливо он в последнее время ощущал, как безвозвратно (нет, еще не безвозвратно) меняется его четкий и отглаженный мир – кренится, сходит с орбиты, теряет знакомые очертания. Чувствовал, как ось, вокруг которой так долго происходило привычное движение мыслей, вдруг прогнулась, причиняя ненужный и болезненный дискомфорт.

Сколько раз за последнее время он совершал импульсивные необдуманые поступки? Почему его мозг перестал держать мощный заслон рациональности, постоянно пропуская сквозь железную броню нежелательные образы и мысли? Куда подевалась привычная холодность и логичность?

Рен залпом осушил стакан, протянул руку к стоящей на столе бутылке, снова наполнил его.

Что случилось с его внутренним спокойствием? Неужели он утратил контроль? С каких пор он начал пить каждый вечер в надежде избавиться от преследующих его мыслей?

Эллион.

Да, Эллион. Все начало меняться с ее появлением.

«Дурочка. Сентиментальная, влюбленная дурочка. Слишком нежная, слишком доверчивая, слишком открытая».

Его беспокоили собственные чувства, угнетал сам факт их появления.

Нет, он не корил себя за то, что спас ее там, в «Сэнди-Паласе», – так подсказывала интуиция, а тренированный ассасин не умел не доверять ей.

Нет, спас – и все правильно. Но зачем он назвал ей свое имя, кто тянул за язык? И назвал его сам, по доброй воле, ведь никто не приставлял к горлу нож. Да если бы кто и приставил, он справился бы с врагом за секунду, но как справиться с собой?

Рен невесело усмехнулся.

Если бы ему угрожали ножом, все было бы куда проще и закончилось бы через секунду. Но нет, он и

без ножа сказал ей то, о чем знали лишь единицы. Непростительная глупость. Он осознал это сразу же, как только произнес вслух то, чего не должен был, но тем не менее предпочел оставить все как есть. Завтрак, сентиментальные истории...

А еще согласился встретиться вновь. Зачем?

Рен медленно крутил стакан в руках – размышлял, анализировал, пытался отыскать первоисточник для нелогичности в собственном поведении – проще говоря, брешь.

Он вспомнил их первую встречу, когда она смотрела на него как на бога – дурочка, тогда ей следовало бежать со всех ног, но она не убежала. Вспомнил, как она села в его машину, как ждала на берегу океана, как пыталась изо всех сил защитить зажатый в руке черный камешек – тот самый, из вазы на столе. Еще и боролась с ним.

И ведь дело не в ее красоте – одной красотой сотворить с ним подобное невозможно. Невозможно потому, что в его жизни было много красивых женщин, но он никогда не запомнил ни их лиц, ни имен. Никогда не привозил в дом, не кормил завтраком, не рассказывал про Антонио. Никогда не ночевал в одной постели до утра, а тут совершил это дважды.

Он слабеет умом или духом?

Эллион отличалась от всех. Чем? Наверное, необычайной хрупкостью, чувственностью, ранимостью, честностью и бесстрашием – странное сочетание. Совершенно для него убийственное, потому что о такой, как она – чистой, нежной и открытой, – ему хотелось заботиться.

Да, черт возьми! Хотелось! А он совершенно не в том положении, чтобы о ком-либо заботиться.

Он – наемный убийца. Он отлично владеет холодным и «горячим» оружием, прекрасен в бою на ближней дистанции, великолепен в схватке со множеством противников, но так ли он хорош для одной-единственной женщины? Что она знает о нем?

Декстер поднес стакан к губам и глотнул виски. Напиток обжег горло.

Нет, он не умеет заботиться. Никогда не пробовал и, наверное, не научится. Да и зачем ему вообще этому учиться? Как встретились, так и позабудут друг друга, просто нужно быть честным, сразу же расставить точки над «i» и приоритеты, мол, мы – незнакомцы, нам было хорошо, но этого достаточно.

Да, именно так.

Больно? Им – женщинам – почему-то всегда бывает больно осознавать свою «не особенность». Им сложно понять, что некоторым мужчинам «особенная» попросту не нужна – не нужна, и нет тому причин. И нет, он не готов сблизиться с кем-либо до состояния «люблю» – пусть даже это слово, которое он никогда не произносил вслух, проще было бы сказать ей, Эллион, нежели кому-то еще.

Не важно все это. Пустое. Завтра он четко объяснит ей свою позицию, и все закончится.

Рен отставил стакан и бутылку прочь, поднялся с кресла и скинул с плеч расстегнутую рубашку. Не хотел об этом думать, но все же задался вопросом – какое именно платье ей понравилось больше всего? Фыркнул, выкинул ненужные мысли из головы и направился в ванную.

Завтра такой необходимый самоконтроль вернется к нему. Завтра. А сегодня он позволит себе думать о чем угодно. Даже о блондинках и их вечерних платьях.

Весь следующий день начиная с самого утра я металась как ошпаренная. Вещи валились из рук, я забывала, о чем думала еще минуту назад, и постоянно делала одно и то же дважды, а то и трижды. Через какое-то время переставала метаться, замирала посреди комнаты, силясь вспомнить, какое действие необходимо совершить следующим, а после вновь начинала метаться.

И все из-за Рена.

«Из-за встречи. Из-за нервов».

В какой-то момент мне пришлось усадить себя на диван и напомнить: «Он придет вечером, ты все успеешь. Все! Успеешь!»

А дальше мысли вновь неслись по кругу: нужна новая сумочка – найти! (В каком магазине?) Забежать в офис за каталогом цветного стекла, позвонить Лайзе (вдруг приехала?), посетить парикмахера. И позвонить этому долбаному парикмахеру – назначить встречу!

Создатель, сколько всего, я ведь ничего не успею!

«Я все успею, все успею» – мантра не помогала.

Но к семи часам вечера, так или иначе, я стояла у тротуара с новой сумочкой в руках, с профессионально наложенным визажистом макияжем и красивыми струящимися по спине локонами.

Успела!

Осталось поймать такси.

Дома я оказалась в половине восьмого.

Залетела в квартиру на пятой скорости, скинула туфли и тут же бросилась в спальню. Главным оставался вопрос, стоит ли надевать одно из присланных Реном платьев или же лучше обойтись другой, более скромной одеждой?

Вдруг мой кавалер предпочтет пешую прогулку по набережной? Как я буду смотреться на берегу реки в коротком платье и на шпильках?

Мда. Не пойдет. А что, если я не надену его платье, а он обидится?

Черт, жизнь – боль.

После минутного раздумья все платье я отодвинула в сторону. Черная с серебром юбка и серый джемпер – всегда беспроигрышная пара. Насколько элегантная, настолько же и уместная, чтобы появиться в ней хоть на улице, хоть в стенах ультрамодного заведения.

Стоило мне продеть макушку в горловину, как зазвонил телефон.

У-у-у, я знала, что так будет.

Пропрыгав на одной ноге к столу, я на ходу поправила горловину, подтянула рукава и пригладила растрепавшиеся волосы.

– Алло!

– Я буду через пять минут, выходи.

– Поняла. Выйду.

Вот такой короткий диалог.

Бросив телефон в сумку, я в последний раз подошла к зеркалу, оглядела себя и осталась довольна: прическа красивая, одежда элегантная, вид в целом приятный. Вот только глаза полыхают, как у безумца, но может, это меня красит?

Рен подъехал вовремя. Его черный автомобиль развернулся во дворе и остановился напротив подъезда.

– Привет! – весело бросила я в салон, распахнув дверцу.

– Привет, – донеслось в ответ.

Я заметила, как он скользнул взглядом по моей одежде, и – показалось мне или нет? – в его глазах мелькнуло облегчение.

Оправдываясь за свой наряд, я пояснила:

– Ты не сказал, куда мы поедем, поэтому я не надела вечернее платье. Но они прекрасны, честно, спасибо тебе за них.

Я вложила в свои слова всю искреннюю благодарность, которую испытывала.

– Я испортил твое. Поэтому выбрал несколько новых.

– Рен, они, – от смущения я запнулась, – они чудесные. Я никогда не видела ничего красивее.

– Рад, что они тебе понравились. – Его улыбка отчего-то погасла. – Ты не против, если мы поужинаем в тихом месте?

– Я буду рада поужинать в любом месте, какое бы ты ни выбрал. – И решилась на откровенность: – Лишь бы с тобой.

От этой фразы лицо Рена окаменело.

Я моментально прокляла свой длинный язык, свою распущенность и легкомыслие.

«Молчи, Элли, молчи. Твои откровения ему в тягость».

Я села в машину, пристегнулась и решила больше не лезть с диалогами – куда приедем, туда и приедем.

Но на душе потяжелело; я стала смотреть в окно. От мрачных мыслей меня отвлек голос Рена:

– Я передал мистеру Гарди твои слова. Он был очень рад.

– Правда? – А вот и безопасная тема для разговора. Радуюсь, что у нас есть хоть одна такая, я спросила: – А в каких конкурсах он участвует? Я бы хотела обязательно посетить один из них и поддержать его лично...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.